Приключения КОНАН

КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

Annotation

На мрачных бритунских скалах стоит замок Амрок. Последний его владелец, граф-колдун, погиб страшной смертью из-за прекрасной незнакомки. Такая же незнакомка нанимает Конана и они отправляются в замок, дабы прочесть таинственную надпись на стене. По завещанию графа любой, сделавший это становится владельцем всех графских богатств. Там уже собралось много народа, но с первого же дня претендентов убивают одного за другим.

- Дуглас Брайан

Дуглас Брайан
(Елена Хаецкая)
Тайна замка Амрок

— Обе задних ноги надо бы перековать, — сказал кузнец, почёсывая черным пальцем лоб под широким ремешком. — И, конечно, правую переднюю. Иначе ты погубишь лошадь, не добравшись до замка Амрок. Камни здесь злые. Превращают в лохмотья даже самые крепкие сапоги, да и подковы не жалеют. К тому же, погляди сам — дождь не уймётся ещё много дней. Дорога скользкая.

Конан слушал вполуха. Он уже смирился с тем, что кузнец сдерёт с него по возможности больше. Кузнецы в этом весьма похожи на лекарей. Стоит невзначай попасться на глаза практикующему шарлатану с какой-нибудь пустяковой царапиной, как он найдёт у тебя по меньшей мере пять смертельных хворей и примется их лечить самыми новейшими (и дорогими) снадобьями толку от которых не больше, чем от старых и дешёвых. Наиболее зловредны в этом отношении зубодёры. По счастью, Конан научился обходиться без услуг медикусов всех мастей и пород. Но лошадь, потерявшая подкову на каменистой дороге, обречена. Губить без толку живую тварь, к тому же умную и послушную, — непозволительная роскошь. Раз уж она служит, как умеет, хозяин должен *о* ней позаботиться. Поэтому варвар обратился к помощи кузнеца, чья хижина, кстати сказать, была первым жильём, обнаруженным за два дня пути.

Она стояла на перекрёстке большака и узкой дороги, поднимающейся в горы. Дорога эта и вела в замок Амрок, о котором Конан только что услышал.

— Почему ты решил, что я еду в замок? — спросил он у кузнеца.

— Да вид у тебя чудной, — отвечал кузнец, раздувая горн тяжёлыми мехами.

В горне загудело, и красноватые отблески забегали по потолку и стенам кухни. Сам кузнец, и без того чумазый и страшный, сделался похож на подземного демона, выпрыгнувшего из жерла вулкана.

— Ты находишь, что я чудно выгляжу! — расхохотался варвар. — Посмотри сначала на себя! По счастью, он был в хорошем настроении.

— Конечно, — молвил кузнец невозмутимо. — Ты — форменный чудак, и при этом — чужак.

— А кого ты считаешь своим? — начал сердиться Конан. — Твоя мазанка торчит здесь в одиночестве, будто прыщ на носу!

— Любой, приехавший сюда, — чужак, — рассудительно произнёс кузнец.

Возразить на это было нечего. Варвар поворчал себе под нос и решил не продолжать беседу.

Ухватив щипцами раскалённую железную полосу, кузнец бросил её на наковальню и принялся колотить молотом, рассыпая окрест длинные искры. Ему-то как раз хотелось поговорить, и видно было, что случай к этому выпадает не часто.

— Вчера! Тоже! Проехали! К замку! — начал он, вставляя слова между ударами молота. — Как есть! Чудаки! Книжники!

Конан пожал плечами. Увидев, что его сообщение не произвело никакого эффекта, кузнец добавил:

— Из города! Ясное! Дело!

С этим он снова подцепил щипцами уже готовую подкову и бросил её в ведро, полное грязноватой воды. В ведре страшно зашипело.

— Ну и что? — пренебрежительно пожал плечами варвар. — Если хозяин замка пригласил к себе учёных людей, так это его дело.

— Хозяин помер лет десять тому, — хмыкнул кузнец, закладывая в горнило новую заготовку. — Нет, эти господа приехали не по приглашению. А сегодня ещё трое — но уже не учёные. Больше похожи на прощелыг, искателей наживы. Наглые, пустоголовые и все при мечах. Что им понадобилось, как не деньги?

— Замок пуст? — спросил Конан, постепенно заинтересовываясь.

— Там живут слуги покойного графа. Джокс — мажордом, Грателло — лакей, кухарка, два конюха, псарь и шут Баркатрас, самый большой олух на триста лиг вокруг.

— Целая армия, — заметил варвар. — Им нечего опасаться грабителей.

— При чём тут грабёж? — покачал головой кузнец. — Дело совсем в другом. Замок битком набит чудесами. О них ходят легенды. Ещё пяток лет назад, пока кабачок старого Уитера был открыт, там только и говорили, что о тайнах замка Амрок.

— Так уж водится у вас в Бритунии. Был бы замок, а уж всяких небылиц про него мужланы навыдумывают сами, — сказал варвар.

Кузнец сделал вид, что оскорбился, и вторую подкову ковал молча, ударяя молотом с яростью. Иногда он делал паузу и присматривался к пышущему жаром железу. Подкова, наверное, казалась ему живым

существом, из которого следовало вышибить дух. Всякий раз она вела себя подозрительно, и кузнец с наскока атаковал её, бранясь сквозь зубы. Наконец он решил, что одолел подкову, и спровадил её в ведро к остывающей товарке.

— Я знаю, что говорю, — произнёс он сердито. — Замок Амрок — чудное место, чудным был его хозяин, и ездят туда одни только чудаки. Вроде тебя.

— Похоже, разговор зашёл в тупик, — решил варвар и широко зевнул. В кузнице было душновато, но тепло, а главное — сухо. От этого ощущения Конан успел отвыкнуть, скитаясь под беспрерывным дождём. Теперь его слегка даже разморило.

— И что же чудного было в хозяине замка? — вопросил он лениво.

Кузнец будто того и ждал.

— Это будет целая сага. Если ты готов слушать, то я, в придачу к ней, угощу тебя капелькой спиртного. Что скажешь?

Капелька оказалась объёмом в пузатый стакан и была такой суровой крепости, что луковица, поданная в качестве закуски, показалась слаще груши. Но дорожная усталость испарилась, словно её и не бывало. Конан расположился на изрубленном чурбачке, а кузнец выволок из груды хлама увечный табурет и, балансируя на нём, повёл рассказ.

— Сколько лет мне — я точно не скажу, но всяко больше полувека. Это я к тому, что последний граф Амрок прибыл в наши края, когда я был совсем ребёнок, то есть очень давно. Я хорошо помню тот день — дождь, как и сейчас, лил и лил, а вершины скал все были затянуты тучами. Там, в этих тучах, и стоит замок. Иногда его видно и отсюда — когда грозовая молния попадает в шпиль главной башни, все строение начинает светиться мертвенным зеленоватым светом, наподобие гнилушки.

Какая судьба постигла предыдущего графа, отца последнего, доподлинно неизвестно. В замке он почти никогда не жил, предпочитая пышный дворец своего сюзерена, герцога этих земель. С одной стороны — арендаторам было как-то спокойнее, с другой же — неуютно. Всегда приятно знать, что хозяин и покровитель где-нибудь поблизости.

Сказывали, что предпоследний граф упал на охоте с лошади, да так неудачно, что тут же и умер. Стряпчие долго разыскивали наследника, который проживал в городах уйму денег, нигде и никому не служил, ничему не учился — словом, жил, как и подобает богатому наследнику. Местные жители все ждали — кому и почём он продаст родовое поместье, а он возьми да и объявись!

Мой папаша как раз сидел за кружкой пива в заведении Уитера, а с

ним — несколько почтенных арендаторов, считавших за благо иметь в приятелях единственного кузнеца в округе. Папаша редко выпивал на свои. Никем не узнанный, граф Амрок вошёл в кабачок, оглядел всех весело, спросил самого крепкого пунша, закурил трубку и как бы невзначай распахнул свой мокрый плащ. На груди его висела тяжёлая золотая цепь с фамильным гербом. Посетители вскочили, как ошпаренные.

— Да, я ваш хозяин, и я вернулся, — сказал им граф. — Жить я буду в замке. Завтра можете там же поздравить меня с приездом. А теперь — брысь отсюда! Я хочу отдохнуть.

Папаша с приятелями оказались под дождём, сами не понимая как.

— Оно, конечно, как бы и хорошо, — глубокомысленно заявил арендатор Гвилл. — Но всё же как будто и не совсем.

— Гм, — сказал мой папаша. — Его милость дал понять, что завтра он уже будет в замке. А это странно — ведь туда больше дня пути, да ещё по такой погоде. Как же его милость успеет добраться за жалкий остаток ночи?

— Воистину, странно! — подтвердили все арендаторы.

— Может, у его милости — хороший конь? — предположил Гвилл, человек в высшей степени трезвомыслящий даже в подпитии.

Но папаша с большим сомнением покачал головой.

Через пару дней делегация арендаторов с традиционными дарами достигла замка. Джокс, в ту пору — зелёный юнец — встретил их в своей манере, напыщенной и чванной.

— Граф ожидал вас вчера, — сказал он. — Не знаю даже, примет ли он гостей теперь.

— Но ведь мы вышли рано поутру после того, как его милость объявили о своём возвращении, — возразил папаша. — Неужто он так сильно нас обогнал?

Джокс насупил брови.

— Граф прибыл третьего дня, — изрёк он. — Это так же бесспорно, как и заплата на твоих штанах.

Спорить с ним было бесполезно, и папаша погрузился в молчаливые расчёты, из которых следовало, что граф Амрок умел летать по воздуху со скоростью почтовой голубки.

— А верно лошадь его милости очень хороша, — встрял арендатор Гвилл.

Джокс на это повёл бровями и ответствовал:

— Граф прибыл пешком.

Все очень удивились такому обстоятельству. Особенно странно было,

что его милость шёл пешком, как последний батрак, хотя даже у самых бедных крестьян водился в хозяйстве какой-нибудь пони или, на худой конец, мул. Джокс сурово отказался обсуждать это. Ему ясно было, что хозяин волен ездить верхом, ходить пешком или даже скакать на метле — это его господское дело.

Граф однако ж принял делегатов, усадил их по обычаю на почётные места и выслушал с должным вниманием все заверения в верности, преданности и прочая. Папаша впоследствии рассказывал, что сразу отметил насмешливый и недобрый огонёк в глазах его милости. Но товарищи его, сердясь, говорили, что он врёт. Каждый в отдельности приписывал открытие этого недоброго огонька лично себе, но все вместе соглашались — толку от этого было немного.

— Кое-что изменится в нашей земле, — произнёс граф. — И вам лучше бы принять это как есть. Жизнь ваша была скучна и однообразна — дождь с утра до вечера, сплетни да пиво — вот и все радости. Я же намерен забавляться. Знаю, о чём вы подумали! Выбросьте это из ваших голов. Я не буду портить девок и устраивать глупые попойки. Это скучно, непроходимо скучно! Нет, я буду забавляться по-другому. Ха, ха, ха! — Он рассмеялся очень ненатурально. Но не это было странным. К ужасу моего папаши, огромная кабанья голова, лежавшая на серебряном блюде, обложенная яблоками, вдруг распахнула свою клыкастую пасть и тоже сказала: «Ха-ха-ха!» Причём из пасти выпал пучок редиса.

Больше никто этой странности не заметил.

«Да не пьян ли ты, старина?» — спросил папаша сам у себя, но отрицательного ответа дать не мог, не покривив душою, ибо перед этим выпил шесть или семь кружек.

Изрядно угостились арендаторы в замке и всех полегоньку разобрало. А дело шло к ночи, и очень не хотелось им выбираться под дождь и спускаться вниз, в темноте и слякоти. Тешила их надежда, что добрый господин уложит спать гостей где-нибудь в замке, чтобы поутру со свежими силами… Надобно сказать, что в наших краях в гости хаживали дня на три запросто, а бывало, что и неделями застревали. Арендатор Гвилл набрался нахальства и довольно прозрачно намекнул графу, что время позднее, что его милость, вероятно, устал, и что хорошо бы его отпустить на покой.

— Ах, окажите такую любезность! — сказал граф. — Пора и вам по домам, чай, жены заждались.

— Так-то оно так, но ведь путь-то не близок, — растерялся Гвилл.

— Что? Вздор. Чихнуть не успеете, как окажетесь внизу, в кабачке, —

рассмеялся граф. — Ну-ка, садитесь все рядком вон на ту длинную скамью и держитесь за неё крепче.

Арендаторы — народ сговорчивый. «Хочет господин подшутить, — *решили они*, — что ж, пусть его шутит, лишь бы оброка не поднимал». Подумав так, садятся гости на скамью, и папаша мой со всеми вместе. «Никогда не чувствовал себя глупее», — говаривал он впоследствии.

Граф Амрок посмотрел на эту честную компанию, хмыкнул, щёлкнул пальцами… В тот же миг скамейка взлетает в воздух, опрокидывая огромный подсвечник, и летит к окну, которое в самое последнее мгновение успевает раскрыться!

Арендаторы кричали от ужаса. Один только мой папаша сохранил лицо, хоть хмель и выскочил из его головы. Скамья летела с ужасной скоростью — только ветер свистел в ушах загулявшихся гостей. Скалы, тучи, хлещущие струи дождя — всё перемешалось и мелькало перед глазами. Спуск происходил не по прямой *линии*, а по спирали вокруг горы, при этом на поворотах дух захватывало и в головах устрашающе шумело. Но, как и обещал граф Амрок, скоро показался кабачок Уитера. Скамейка плюхнулась в центре огромной лужи, подняв тучи брызг. Арендаторы ещё какое-то время судорожно держались за неё, а потом разжали хватку и один за другим повалились в грязь.

— Что вы скажете на это, почтенные? — спросил папаша.

— Сдаётся мне, чудные дела творятся в замке Амрок, — ответил арендатор Гвилл.

— Воистину так, — согласились остальные. Некоторое время в кабачке обсуждалось это происшествие, но никто толком не сумел его разъяснить. Скамейка несколько дней простояла в луже, не двигаясь с места. В конце концов старина Уитер не выдержал и забрал её себе.

— Хорошая вещь, — сказал он. — Теперь не делают таких скамеек.

Её поставили в залу и показывали проезжающим, как большое диво. Немногие отваживались на ней сидеть. Но однажды один чудак из города, воображавший себя очень учёным человеком, дотошно осмотрел скамейку, попрыгал на ней задом, огладил руками и молвил:

— Все ваши россказни — пустые басни. От этой трухлявой лавки ничуть не пахнет колдовством. Уж я бы почуял! Неужели вы хотели надуть меня при помощи этой рухляди, траченной червями?

Только он так сказал, как скамейка взвилась кверху, толкнула в грудь степенного мастера-бочара, отчего тот упал, и вылетела в открытую дверь. Больше ни её, ни учёного путника в наших краях не видели.

Много произошло странного. Так, однажды коза сиротки Джилл

заглянула в окно общинного старосты и человеческим голосом поздравила его с добрым утречком. А на огороде нашей тётушки Эммы вырос мальчик, из головы которого торчал пучок ботвы. Он давно уже взрослый и служит в городе, в управе. Бывали и неприятные случаи, даже прискорбные. Арендатору Бибоди явился однажды скелет в одежде жреца, и бедолага Бибоди до самой смерти заикался и тряс головой.

Граф жил затворником, никуда не ездил и никого из местных не принимал, да и мало нашлось бы желающих проведать его. Джокс аккуратно собирал подати, и сейчас собирает в пользу графской казны. Надобно сказать, что на днях исходит срок — наследник, если таковой имеется, обязан объявиться, иначе все добро перепишут в пользу герцога.

— С кого же собирают подати? — удивился Конан. — Разве в округе, кроме тебя, остался кто-нибудь?

— Это верно, почти все разбрелись кто куда. Четыре семьи не захотели покидать этих краёв, а прочие решили, что страшная погибель графа — предостережение, и хорошего ждать не приходится, — ответствовал кузнец.

— А что случилось с графом?

— Однажды Джокс спустился вниз… Я очень хорошо помню этот день. Лил дождь, прямо как сегодня…

— И всё было затянуто тучами, — догадался Конан. — Давай дальше без подробностей!

— Без подробностей неинтересно, — надулся кузнец, помолчал немного, разлил по стаканам остатки спиртного и всё-таки продолжил: — Джокс сразу прибежал в заведение Уитера. Там, в компании соседей и приятелей, отдыхал после дня трудов некто Лерон, коновал, способный врачевать и двуногую скотину, то есть людей. Лечил он их все больше перцовой настойкой и кровопусканиями. Джокс обратился к нему:

— Господину нашему срочно требуется твоя помощь! — сказал он. — Мешкать нельзя.

Лерон высказался, что неплохо бы перед дальней дорогой пропустить ещё стаканчик-другой, но Джокс и слушать его не стал — ухватил за ворот и вытащил из кабачка.

Утром Лерон появился в посёлке — совершенно седой, оборванный и без одного башмака. Арендаторы окружили несчастного и стали расспрашивать: что ввергло его в такое горестное положение? Лерон жестами показал, что ему непременно надо выпить. Принесли бутылочку, и поседевший коновал высосал её одним махом, словно в ней было молоко.

— Нынче ночью я был в замке Амрок! — проговорил он, когда

отдышался.

— Но как же ты, почтенный, успел туда и обратно? — вопросили присутствовавшие. — Никак, лежал на скамейке?

— То не скамейка была, о нет! — возразил Лерон. — Увы, я — пожилой, всеми уважаемый человек — летел верхом на управляющем, а тот, в свою очередь, оседлал бронзовую кочергу. Пока мы летели, из меня вытряхнуло все мои познания в сложном искусстве врачевания, и перед скорбным ложем больного я предстал совершенным профаном. Но не это ужасно, почтеннейшие! То, что я увидел, заставило меня застонать от ужаса. На кровати лежала… половина графа Амрок, словно его рассекли надвое вдоль острым мечом. При всём этом граф оставался вполне жив, двигал рукой, ногой, ухмылялся половиною рта и щурил глаз. Ни крови, ни торчащих внутренностей — срез на вид был гладким, черным, и когда я захотел потрогать его рукой, она провалилась почти по локоть в пустоту.

— Полегче! — прикрикнул граф. — О, небеса! В этой распроклятой дыре нет даже врача, один только пьяный живодёр!

— Но как это случилось с вами, ваша милость? — спросил я.

— Я ставил один очень интересный опыт, — ответил мой половинчатый пациент. — И сделался жертвой собственной неосторожности.

— Расскажите подробнее, — настаивал я. — Как же я смогу оказать помощь, если мне неясна причина болезни? Будьте откровенны — от лекарей не держат секретов.

Граф рассмеялся:

— Я могу быть с тобой откровенным только наполовину, — сострил он. — Я, видишь ли, занимаюсь наукой. Не глупой, напыщенной магией, а серьёзным изучением сути вещей и их трансформацией, то есть — изменением. Понятно ли тебе это, простофиля?

Я отвечал, что понятно. Когда сахар и хлебные дрожжи превращаются в напиток, украшающий жизнь, это тоже выходит трансформация. Уж не знаю, почему мне захотелось пошутить… Я тут же пожалел об этом, глядя, как половина графа Амрок извивается в конвульсивном смехе.

— Хорошая шутка — половина исцеления! — выдавил он сквозь хохот. — Половина… Ха-ха-ха!

Неожиданно вторая его часть проступила рядом с первой там, где ей и положено быть. Сначала она оставалась какой-то рассеянной, нечёткой, но довольно скоро сгустилась и сделалась вполне реальной. Зато первая половина расплылась, подёрнулась дымкой и… исчезла!

— О! О-о! — простонал граф. — Как это мучительно!

На открытых моему взору частях его лба и носа проступила испарина.

— Пусть ваша милость простит бедного профана, — заговорил я. — Но всё же непонятно…

— Чего тут непонятного! — воскликнул несчастный. — Совершенно случайно я открыл существование другого мира. И находится этот мир не где-то там, за тридевять земель, а здесь, рядом. Мы живём сквозь него и даже не замечаем этого! Иногда, правда, отдельные картины или образы попадают оттуда к нам и исчезают, никем не понятые, не разгаданные… Таинственные и прекрасные существа обитают там, неслыханные сокровища хранятся, недоступные людской алчности. Я дерзнул отодвинуть завесу, но мне показалось мало — и, никем не званный, я вторгся туда. И жестоко наказан. О-о! Мне не выбраться целиком!

— Чем же я могу помочь вашей милости? — совсем растерялся я.

— Я велел позвать тебя, потому что мне страшно… — признался граф Амрок. — Я не доверяю никому из своих домочадцев, кроме Джокса. Он — образцовый слуга, но глуп… Очень глуп. Я долго не протяну, это ясно. Хотелось перед смертью поговорить с кем-нибудь… Какая жалость, но я не смогу расплатиться с тобой за беспокойство — кошелёк остался в другом кармане халата. Ха-ха-ха!

Так он пошутил в последний раз. Вскоре после этого оставшаяся половина тела подёрнулась облаком, и граф исчез целиком. Не успел я отойти от скорбного ложа, как с лёгким хлопком тело вернулось, все целиком. Большого прока от этого не было, потому что тело было мёртвым.

Беглый осмотр привёл к удивительным результатам — я заключил, что граф скончался не от естественных причин. На его шее имелись явственные следы удушения, как будто чья-то сильная, не ведающая жалости рука сдавила горло бедняги. Труп был ещё тёплым.

Я позвонил в колокольчик у изголовья. Явились Джокс и Грателло. Странно, но мне показалось, что развязка была известна заранее. Джокс деловито осмотрел тело своего господина, а Грателло показал мне лезвие кинжала, прижал меня к стене и спросил:

— О чём он рассказал тебе? Говори, и не вздумай ничего скрывать, иначе тебе не выйти живым отсюда!

— Мне скрывать нечего, — оторопело пробормотал я и пересказал содержание нашей с графом беседы. Меня разобрал страх, на этот раз — настоящий, страх за свою жизнь.

— И что ты думаешь обо всём этом? — осведомился Грателло.

— Ничего.

— Болван! Олух! Ладно, я напишу за тебя, перескажу твои слова, а ты распишешься. Это называется «свидетельские показания». Мы не хотим, чтобы нас обвинили в убийстве графа.

— Конечно, вы его не убивали, и я могу это подтвердить, — сказал я. — Вам нечего бояться.

Тут оба переглянулись и хмыкнули похожим образом, а я подумал, что касательно своего слуги граф здорово просчитался. Джокс совсем не глуп. Почему-то это открытие испугало меня ещё сильнее.

В соседней комнате мажордом долго и сердито корябал пером пергамент. Конечно, он мог написать туда всё что угодно. Но читаю я лучше, чем пишу. Перед тем, как поставить свою подпись, я прочёл написанное — там все соответствовало истине. Это меня успокоило, и я расписался.

— А теперь — убирайся! — рявкнул Грателло.

Я направился к выходу, но Джокс остановил меня.

— Жаль тебя, старик, — сказал он. — Промокнешь, замёрзнешь, умрёшь, чего доброго. А нам нужен живой свидетель. Садись-ка на кочергу.

— Нет уж, я спущусь пешком, как и подобает людям, — возразил я с достоинством, но проклятый мажордом хлопнул в ладони, и кочерга сама протиснулась мне между колен. Не успел я даже вскрикнуть, как уже летел стремглав, иногда разворачиваясь в воздухе, словно перепуганная ворона.

Однако мерзкая кочерга явила гнусный норов — она всё время взбрыкивала, угрожая обрушить меня в ущелье.

Наконец кочерга выскользнула из-под меня, да ещё и наподдала прямо в воздухе. Я полетел кувырком и оказался здесь…

— Выслушав этот удивления достойный рассказ, все пожали плечами и разошлись по своим домам, — продолжал кузнец. — Мы решили, что Лерон перебрал на ночь глядя и ему все померещилось. Однако стряпчий, оформлявший завещание, подтвердил весть о кончине графа. Тогда-то все и призадумались.

Никто в этих краях не верил в науку. Старая, привычная магия как-то ближе нам, неотёсанным мужланам.

— Это действительно очень похоже на магию, — с презрением в голосе прервал его Конан. — От таких историй смердит колдовством.

— Так или иначе, почти все разъехались, о чём я уже говорил, — закончил кузнец свой рассказ. Огонь в его горне давно погас, заготовка остыла, некованный конь стоял в загончике под навесом, с хрустом пережёвывая лежалое сено.

— Но я в толк не возьму, — проговорил варвар. — Ты же сказал, что в

замок редко кто захаживал, а потом заявил, что туда ездят одни чудаки. Чудаков-то много было?

— Порядком, — усмехнулся кузнец. — После смерти графа они зачастили туда, никому не объясняя — зачем. Понятно, что в замке Амрок хранится такое, чем хотелось бы поживиться. Но мы, здешние, — народ не слишком любопытный.

— И ленивый, — заметил Конан. — Хватит прохлаждаться. Я не хочу осесть здесь на веки вечные. Пошевеливайся!

Кузнецу не слишком понравился такой конец беседы, но делать ему больше ничего не оставалось, кроме как вернуться к работе. Пока он, поругиваясь, разжигал и раздувал горн, наполняя воздух кузни запахом горячего металла, Конан вышел под дождь.

Дорога, уводящая прямо к тайне замка Амрок, лежала перед ним. А опыт подсказывал: чего-чего, а приключений там будет предостаточно. Но добровольно связываться с магией варвару вовсе не хотелось, в науку он верил ещё меньше, чем местные жители.

«Что там может быть? Какой-нибудь колдовской талисман или свиток с могущественным заклинанием. Мне это неинтересно, — размышлял он. — Вот если бы драгоценный камень или гора золота… Или хотя бы женщина, достойная внимания… Тогда бы я ещё подумал, стоит ли лезть туда».

В тот самый момент, когда он подумал о женщине, на большаке появилась всадница. Вороной жеребец под ней заметно прихрамывал на обе передние ноги — злой камень здешних дорог не пощадил его подков.

Даже издали она показалась Конану прекрасной — из-под капюшона выбивались мокрые пряди золотистых волос, осанка женщины была горделивой и говорила о хорошей фигуре. Когда она приблизилась, варвар не удержался и причмокнул. Глаза незнакомки оказались тёмно-синими, с янтарными искрами. Пунцовые губы обиженно припухли, а румянец на щеках свидетельствовал об отменном здоровье. Незнакомка грациозно спешилась, вручила поводья остолбеневшему Конану и спросила:

— Ты — кузнец?

— Кузнец в хижине, — ответил варвар, глупо ухмыляясь. — Я — путник.

Женщина оглядела черноволосого великана и в её удивительных глазах загорелся интерес. Она произнесла что-то негромко, и Конан не смог расслышать, что именно, потому что в этот момент кузнец загромыхал своим молотом по наковальне.

— Если тебе нужен попутчик, то я готов, — заявил Конан, широко

улыбаясь. — Поверь, лучшего компаньона ещё поискать.

— О, да! — улыбнулась в ответ неизвестная. — Это мы обсудим. Ты — наёмник?

— Иногда.

— Свободный меч?

— Более-менее.

— И с деньгами у тебя сейчас не густо?

— Бывало и гуще.

— Дорого берёшь за услуги?

— Не всегда деньгами.

— Нахал, — сказала женщина, и осталось неясным: ругнулась она или выразила восхищение. Впрочем, она любила мужчин.

Её звали Альвенель.

Мужчинам, которые понравились ей больше других, она рассказывала, что родителей своих не знает, что была воспитана другими людьми, что замуж ей пока не хочется, а хочется повидать мир и узнать побольше о себе самой. Всё это было чистой правдой.

— Я еду в замок Амрок, — сказала она Конану, когда кузнец, выразительно бормоча, подковывал её коня. — У меня там важное и серьёзное дело. Возможно, потребуется крепкое мужское плечо. Об оплате поговорим особо.

— А что тебе нужно в замке? — поинтересовался Конан. — На колдунью ты совсем не похожа.

— С чего ты решил, что я колдунья? Я скажу тебе, в чём моё дело. Вполне возможно, что мне принадлежит и замок, и деньги, и земли графства. Если получится доказать это, я здорово поправлю свои обстоятельства.

— У тебя есть конкуренты, — отметил варвар. — Наверное, доказать будет непросто.

— Это уж как водится, — произнесла Альвенель. — Претендентов набьётся полный замок. И некоторые из них очень самоуверенны. Моё появление они запросто сочтут серьёзной угрозой для своих собственных планов. Что ж, они окажутся правы. Смекаешь, что тогда от тебя потребуется?

Конан кивнул.

— Мне случалось быть телохранителем, хотя такого красивого тела я ещё не охранял.

— Можно подумать, ты умеешь видеть сквозь одежду!

— Если нужно, я могу видеть даже сквозь стены, — заявил варвар.

Кузнец с недовольной миной принял плату, одну монету попробовал на зуб, сплюнул и удалился, думая про себя: «Кого этот верзила хотел надуть? Я же сразу понял, что он едет именно в замок! Нет, надо было спорить. Дело тут нечисто. И женщина эта… Очень подозрительна!»

С одной стороны, ему было любопытно — да так любопытно, что все чесалось внутри. А с другой стороны, кузнец точно знал: что бы ни случилось, большак останется большаком, кузня — кузней, молот — молотом, а подкова — подковой. Поэтому он вытащил из-под вороха прелой соломы очередную бутылку, присел на чурбан и быстро очистил луковицу.

Дорога, ведущая к замку, петляла, подчиняясь капризам рельефа. Сначала она сама лежала на дне ущелья, но постепенно выбралась из него, изогнулась и прошла по самой скальной кромке. Трое или даже четверо могли проехать по ней плечо к плечу без большого риска свалиться в пропасть, но всё равно было жутковато. Туча, плотная, словно комок мокрой ваты, все приближалась и приближалась. Дождь то сеял, как из мелкого решета, то вдруг принимался хлестать тяжёлыми струями. Ветер, стихая на краткий миг, набирал дыхание и, передохнув, начинал выть и рычать. Спутники успели подняться достаточно высоко — у Конана дважды закладывало уши. Это не причиняло ему неудобства, только свидетельствовало о подъёме на высоту приблизительно в полторы лиги над уровнем моря.

Была глубокая ночь, и Альвенель выразила желание сделать привал до утра. Вдвоём они отыскали углубление в скале — там было сухо и почти не чувствовался ветер. К сожалению, развести костёр не представлялось возможным — не было никакого топлива. Ничего не росло в этих горах за исключением скального мха и редких, жёстких травинок. Даже лошадей привязать было не к чему. Оставалось только крепко стреножить их и оставить подальше от обрыва.

Расстелив сырые одеяла прямо на камнях, компаньоны расположились на отдых.

— Не подумай, что я жалуюсь, — сказала Альвенель, — но всё же дорога не из приятных.

— Лучше ползти по скале, как муравьи, чем лететь верхом на скамейке. Кром великий! — прорычал Конан. — Если бы кто-нибудь сыграл со мною этакую шутку, я заставил бы его пожалеть!

— Летающие скамейки? А, это один из фокусов покойного графа, — догадалась его спутница. — Ты даже не подозреваешь, сколько ещё интересного в том же роде осталось в замке.

— Зато, похоже, ты недурно осведомлена. Расскажи, мне ведь полезно знать, что нас ожидает, — предложил варвар, потягиваясь.

— Хорошо, — откликнулась Альвенель. — Только подвинься ко мне поближе. От тебя так и пышет жаром, словно от печки. Раз ты — мой телохранитель, так и охраняй меня, хотя бы от простуды.

Ей не пришлось просить дважды.

— Раз ты знаешь о летающих скамейках, можно тебе и не говорить, что граф был большим оригиналом при жизни, — заговорила она, устраивая голову на широкой груди Конана. — Однако же самую забавную свою выходку он приберёг, что называется, под занавес. «Я оставил после себя некоторое количество потомков, и ни одного законного, — написал он в своём завещании. — Однако в течение ближайших десяти лет любой человек в возрасте от двадцати семи до сорока годов вполне может сделаться моим преемником. Для этого ему потребуется прочитать надпись, оставленную в моём замке таинственным существом из сопредельного мира. Надпись эта находится на дубовой обшивке стены в замке графской короны. Истина, которая откроется прочитавшему, сама по себе равноценна огромному состоянию. А к ней в придачу смекалец получит мой титул и всё, что к оному прилагается. Я верю — талант и острота ума передаются по наследству. В своё время мне удалось понять значение этой надписи. Значит, и мой истинный потомок сможет то же самое. Если же повезёт какому-нибудь искателю чужих сокровищ — что ж, пусть будет так. Передаю все дальнейшее в мудрые руки Провидения».

Конан фыркнул:

— Вот уж на что не следует полагаться во всём! Верный способ не дожить до старости! Кстати, откуда тебе стало известно завещание старого шутника?

— Стряпчий графа Амрок — старинный приятель моего опекуна, — отвечала Альвенель. — Так что текст завещания я услышала через три месяца после кончины графа.

— А почему сразу не попытала счастья?

После недолгой паузы она произнесла:

— Я, как и ты, не доверяю Провидению и предпочитаю действовать наверняка. Мне потребовалось время, чтобы кое-что разузнать.

— Играешь подпиленными костями? — прищурился Конан.

Альвенель не видела его лица, но догадалась, что губы варвара искривлены усмешкой.

— А ты никогда так не поступал?

— В том, что касается игры в кости, — нет. Но мне случалось

жульничать и даже воровать. Читать нравоучения я тебе не стану.

— То-то же, — молвила Альвенель и осторожно просунула руку под рубашку на груди варвара. Грудь была горячей, бугрилась налитыми мышцами. Пальцами она ощутила биение мощного, здорового сердца.

— Граф воображал, будто бы он первый открыл существование сопредельного мира, — продолжала женщина. — Но он здорово заблуждался. В глубокой древности некоторые избранные хорошо знали пути в неведомое. Однажды в сопредельный мир ушёл целый народ, спасаясь от орд кочевников. И напротив, племя существ оттуда перебралось к нам, в свою очередь спасаясь от преследования, а может — из-за того, что равновесие между мирами не должно нарушаться. Обо всём этом есть упоминания — в учёных книгах, бесстрастные и сухие, в людских преданиях — приукрашенные до неузнаваемости. Истина где-то между. Теперь мне кажется, что я обнаружила её.

— Понятно, — солгал Конан. Он не понял почти ничего, но это его не сильно заботило. Главное он ухватил — роскошная куколка нашарила где-то в пыльных книжных хранилищах верный способ обскакать конкурентов и оставить их с носом. Отлично! Большего ему знать не требуется.

Конан приобнял свою спутницу и вдохнул запах её мокрых волос. Кром победительный! Вот что достойно его внимания. Почувствовав ласки его сильных рук, Альвенель не удивилась.

«Пусть! — сказала она себе, поддаваясь их страстному жару. — Пусть! Каждый должен получить то, на что надеется…»

Когда утомлённые, оба они застыли, переводя дыхание, сон утяжелил их веки. Шум дождя, убаюкивающий и монотонный, заполнил собою весь мир.

Альвенель проснулась, ощутив, как неожиданно напряглось тело варвара.

— Что ты? — спросила она, но он мгновенно зажал её рот ладонью и прошептал:

— Тихо… Не шевелись…

Плащ, которым она была укрыта, сполз, и обнажённой спиной Альвенель вдруг почувствовала чьё-то присутствие — там, в непроглядном и мокром мраке. Ей стало страшно.

Испуганно всхрапывали лошади, и ещё слышалось свистящее тяжёлое дыхание. Донёсся явственный запах гниющих водорослей.

— Осторожно переползи через меня и прижмись к стене, — велел варвар, нащупывая в темноте рукоять меча. Потом он неслышно скользнул к самому выходу из маленькой пещеры и замер, вглядываясь во что-то.

— Не поверил, если бы не увидел сам! — пробормотал он, и в этот же миг оглушительный, визгливый крик неизвестного чудовища оглушил Альвенель.

Издав ответный боевой вопль, Конан выскочил наружу. Крик повторился, сопровождаемый на этот раз отвратительным звуком, будто стальными крючьями скребли по мокрому камню. Послышались также звуки ударов.

Не утерпев, Альвенель выглянула на дорогу. Там было светлее, чем в пещере, и она без труда разглядела варвара и его противника.

Толстое змеиное тело, свитое в тугую спираль, заканчивалось огромной рыбьей мордой с вытаращенными глазами. По бокам головы топорщились перепончатые крылья, слишком маленькие для такой крупной твари. По спине до кончика хвоста тянулся гребень, массивные плавники, украшенные когтями, скрежетали по камню. Чудовище источало запах моря.

Оно атаковало — выбросив голову с ощеренной пастью навстречу Конану, неожиданно остановило движение и коварным манёвром ударило его хвостом сбоку, откуда варвар не подозревал опасности. Удар сбил его с ног. Метнувшись к упавшему, монстр изготовился уже вонзить кривые, острые зубы в поверженного врага. Но варвар только притворился оглушённым. В последнее мгновение он вскочил и вонзил меч прямо в оскаленный хищный рыбий рот. Пасть захлопнулась с лязгом, а из ноздрей чудовища хлынула чёрная холодная кровь.

Альвенель подбежала к Конану, который переводил дыхание. Несмотря на свою победу, он выглядел озадаченно.

— Ты спас нас обоих! — сказала она. — Я вижу, что не ошиблась в выборе спутника.

— Конечно, ты не ошиблась, — произнёс Конан. — И я понимаю, что другого такого, как я, ты не нашла бы никогда. С этим всё ясно. Неясно другое — ты знаешь, как называется это пугало? Это герпедонт. Он живёт в море. Понимаешь, в море. В горах ему нечего делать. Сам бы он ни за что не забрался бы сюда. Без солёной воды герпедонт протянет не больше одного дня. Как он сюда попал? Ты не знаешь?

Альвенель ничего не ответила. Она, как зачарованная, смотрела на змеевидное чудище, чей хвост бился в последней судороге.

— Что-то подсказывает мне, что неожиданностей будет ещё много, — заключил варвар. — Хорошо, что лошади с перепугу не бросились в пропасть. Идём, до рассвета есть время. Нужно отдохнуть.

Расположив своё тело на одеялах, Конан скоро уснул, словно ничего

существенного не произошло. Альвенель слушала его храп с завистью. Сон оставил её. Шорох дождевых капель больше не убаюкивал. От мёртвого герпедонта воняло тухлой рыбой.

— Ты прав, — проговорила она шёпотом. — Неожиданностей будет ещё много. По крайней мере, для тебя…

* * *

Ченси допил вино, капнув два раза на скатерть, оглядел Фаэрти и Тью, своих кузенов, подмигнул им и произнёс:

— Это большое паскудство, что дядя так с нами поступил, не правда ли, друзья?

Они сидели, развалясь на дорогих стульях с высокими резными спинками, за длинным столом, уставленным по преимуществу винными кувшинами. Час для усердного винопития был ещё ранний — едва только перевалило за полдень. Фаэрти и Тью, к тому же, неважно выглядели после ужина — их вытянутые физиономии украшались всеми оттенками бледности. Стряпчий Фаррель, шестидесятилетний старик, стоявший перед ними навытяжку, поглядывал на кузенов с осуждением.

— Конечно, вы — родственники покойного графа, но столь отдалённые, что ваше наличие не может отменить его завещания, — кашлянув, проговорил стряпчий. — Как я уже сказывал вам вчера — никто не помешает вам изучить надпись и попытаться разгадать её.

Кузен Фаэрти весь искривился при звуке его голоса, а Тью мучительно икнул и в замешательстве заглянул в свой бокал. Ченси, старший среди них, пил вчера наравне с обоими, но наутро оказался свеж, бодр и насмешлив.

— Как насчёт одной десятой части наследства, старичок? — спросил он у Фаррела, постукивая ногтями по столешнице.

— Простите? — стряпчий выразительно поднял брови.

— Уверен, никто не предлагал тебе столько. — Ченси снова подмигнул. — Что делать, все стали жадными, все гребут под себя — нет чтобы поделиться с ближним… Одну десятую часть от общей суммы наследства, включая земли, — и ты сообщаешь нам содержание этих демонских каракуль. Идёт?

Стряпчий снисходительно улыбнулся.

— Господа не вполне верно понимают ситуацию, — проговорил он. — Ни я, ни кто другой не знает, что написано на стене!

— Вот так бессмыслица! — Ченси удивлённо округлил глаза. — Как

же тогда определить, верно ли разгадана надпись? Этак можно с умным видом сказать всё, что в голову взбредёт, — поди докажи, что написано что-то другое!

— Если надпись будет прочтена верно, немедленно произойдёт нечто. И прочитавший первым заметит это, — возразил Фаррел. — Есть ещё одно условие, о котором претендентам следует знать. А именно: изучать надпись, производить расчёты и прочее каждый волен, когда и как ему вздумается. Но оглашать результаты своих попыток нужно в присутствии свидетелей, в зале графской короны, не раньше вечерних сумерек и не позже первой ночной стражи.

— Здесь есть ночная стража? — поразился Тью.

— Стражи нет, зато есть колокол. Особый механизм, сконструированный графом, заставляет его звонить через равные промежутки времени. Вы разве не слышали?

— Да… — припомнил Фаэрти, оживляясь. — Действительно… А я думал — что за идиот трезвонит посреди ночи?

— Конечно, ты не знаешь, к чему это условие? — прищурился Ченси. Фаррел важно кивнул.

— Мне это неведомо. Должен сказать, что стряпчему и не обязательно интересоваться причудами своих клиентов. Моя должность предусматривает только скрупулёзное их выполнение.

— Очень удобно, — хмыкнул Ченси.

— Но не слишком умно, — встрял Тью. — Защищать интересы старого дурака, к тому же ещё мёртвого!

— Если повезёт вам, то я с тем же тщанием буду защищать и ваши интересы, — сказал стряпчий. — Вы вряд ли обратитесь к другому. Не забывайте, я служу этому дому уже много лет. Мне знакомы обстоятельства многих дел, в том числе и финансовых. Два поколения владетелей графства вполне были довольны моими услугами. Будет довольно и третье. А теперь я оставлю вас — мне нужно переговорить с другими претендентами.

И Фаррел вышел из столовой.

— Какой же ты, братец, осел, — сказал Ченси, адресуясь к Тью. — Нужно тебе было грубить старику? Нам необходимы союзники!

Тот поморщился и отвечал:

— Если ты такой канальский дипломат, дорогой кузен, то почему тебя с позором выставили с должности посланника?

— Потому что мне даром не нужна эта должность! — отрезал Ченси. — Я люблю, когда у меня много свободного времени.

— А может, потому, что ты на пиру попал персиком в глаз

ванахеймскому гонцу? Умничаешь много, дорогой кузен.

— Да, попал. С десяти шагов. А ты и с трёх промахнулся бы. Ты носом в собственный бокал не попадёшь, братец!

Кузен Фаэрти, не принимавший участия в перепалке, неожиданно закатил глаза и, медленно поднявшись, бочком устремился прочь. Он неестественно прямо держался, хотя ноги слушались его скверно.

— Ты куда? — спросил Тью. Фаэрти в ответ замычал, мотнул головой, как лошадь, и выбежал. Тью икнул и задержал дыхание.

— Что за родственничков послали мне боги! — вздохнул Ченси.

Гаспар и Тьянь-по пили травяной отвар в библиотеке. Они поглядывали друг на друга иронически и держались оба с преувеличенной вежливостью, какая заменяет обычно хамство в учёных кругах.

— Всё же сомнительно, чтобы ты, любезный Тьянь-по, мог быть наследником графа, — говорил Гаспар. — Судя по своему портрету, граф являлся явным представителем северной расы. Строение черепа указывает на ярко выраженное британское происхождение, а разрез глаз исключает возможность присутствия юго-восточной крови.

— Я подошёл к данной проблеме с точки зрения языкознания, — учтиво перебил его кхитаец. — Б завещании сказано: «Любой». Сколько значений в британском диалекте имеет слово «любой»? Нет среди этих значений, например, такого: «любой, кроме бедного кхитайского каллиграфа Тьянь-по»? Сдаётся мне, что такого значения нет.

— Не обижайся, дружище, — лицемерно улыбнулся Гаспар. — Я просто дурно спал, вот мне и нездоровится. Проклятые молокососы, прибывшие ночью, страшно шумели.

— Мудрец должен быть снисходительным к шалостям юности, — сказал кхитаец. — Ибо истинному мудрецу известна природа этих шалостей. Пусть молодёжь развлекается. Чем больше они выпьют, тем меньше способны будут оставить нам конкуренцию.

— О чём ты говоришь? — Гаспар даже поперхнулся отваром. — Какую конкуренцию? Эти олухи, я уверен, на родном-то языке читают с трудом. Типичные современные аристократы-вырожденцы, ослабленные внутриродовыми браками и фамильным алкоголизмом. Они способны только на глупую спесь и на бесчинства всякого рода. Даже когда их кошельки пусты, они держатся так, словно весь мир принадлежит им. Посмотрите только на эти скошенные лбы, на эти глубоко посаженные глаза, на лошадиные челюсти!

— Однако женщины, особенно — молодые находят в них

определённую прелесть, — заметил Тьянь-по. — Не так ли? Довольно часто они предпочитают именно таких вот спесивых юнцов мудрым и степенным мужчинам. Это истинная загадка природы.

Гаспар покраснел. Это был полный, очень солидной внешности мужчина, старательно ухаживавший за своей окладистой бородой и обширной лысиной на макушке. Лысина отражала блеск свечей, горевших несмотря на дневное время, а борода, завитая кольцами, лоснилась и переливалась. Мантия, сшитая из добротного сукна и подбитая мехом енота, сидела на нём очень хорошо. В довершение образа Гаспар носил на шее тяжёлую серебряную цепь с символикой своего университета. Он очень её любил и начищал каждое утро бархатной тряпочкой.

Тьянь-по, напротив, выглядел вовсе не солидно — его сухопарая фигура напоминала кхитайский иероглиф. Одежда из хлопковой ткани не отличалась изяществом, а бородка росла чахлая и не производила никакого хорошего впечатления. Тьянь-по совсем не походил на учёного, а смахивал, скорее, на бродячего фокусника из не очень искусных. Только живой и умный взгляд делал этого человека приемлемым в обществе образованных людей, где, как и везде в подлунном мире, прежде всего смотрят на внешность.

Встретились они несколько дней назад на большаке и остаток пути совершили вместе. Уважая друг в друге достойных соперников, учёные мужи сблизились и подолгу общались на разные темы — всё равно ведь в дороге больше нечем заняться.

Конечно, они редко соглашались между собой — слишком различными были у них взгляды. Гаспар, занимавшийся различными отклонениями в человеческой природе, любую беседу сводил к процессу вырождения, весьма волновавшему его воображение. Ещё он очень нападал на смешанные браки, уверяя, что боги, создавшие людские расы, не одобрят нарушения их замысла. Тьянь-по, в свою очередь, был склонен к обобщениям в отвлечённом, философском духе и обожал рассказывать притчи. Вот и теперь, посмотрев на Гаспара из-под пушистых, седоватых бровей, кхитаец поведал историю о черепахе, которая бранила зайца за его излишнюю торопливость, и о змее, упрекавшей аиста за то, что он летает и вьёт гнезда на высоких крышах. Гаспар покраснел ещё больше. Ему очень хотелось тоже рассказать какую-нибудь басню, уместную в данном случае, но на ум ничего не приходило.

Но тут появился стряпчий и поведал им то, что уже стало известно трём непутёвым кузенам. Учёные мужи выслушали и призадумались.

— А что произойдёт, если пренебречь указанием о времени? —

поинтересовался осторожный Гаспар.

Фаррел пожал плечами.

— Ничего хорошего, — сказал он. — Три года назад некий жрец из Аквилонии поступил весьма неосторожно. Он заперся в зале графской короны и провёл там около трёх дней. Слуги оставляли ему еду у дверей и слышали, как он бродил и бормотал себе под нос. Он не выходил даже по надобности, осмелюсь заметить. Очень упорный был человек.

— Был? — переспросил Гаспар.

— Увы. Однажды завтрак остался нетронутым, обед — тоже. Никаких звуков из залы не доносилось. На следующий день, обеспокоенный, я велел взломать дверь. От жреца остались одни только уши. Они лежали на полу возле стены, вырванные, что называется, с мясом. Подозреваю, что ему удалось прочесть надпись… не вовремя.

— У одной женщины был злой муж и знатный любовник, — начал Тьянь-по скрипучим голосом. — Однажды муж решил узнать, кто ходит к его жене. Он притворился, что уехал в город, а сам, выждав несколько цу, вернулся и застал супругу в объятиях вельможи. «Глупый человек! — сказал вельможа. — И уходить, и приходить нужно своевременно!»

— Очень интересно, — сказал Фаррел. — Кстати, должен напомнить. У соискателей наследства, а значит — и у вас, осталось только пять дней. Сегодня вечером мы начнём.

* * *

Джокс следил, как кухарка режет лук. Слёзы текли у неё ручьём, она почти ничего не видела, и оставалось непонятным — почему она до сих пор не отхватила себе палец.

Слуги низшего разряда давно уже привыкли, что молчаливый мажордом, возникая из тёмного коридора, словно призрак, часами наблюдает за их работой. Это сделалось в порядке вещей. Постоянное присутствие Джокса стало как бы непременным условием жизни. Если по какой-то причине его не было при чистке серебра или вытряхивании ковров, всё шло наперекосяк. Грателло, формально имевший больше привилегий, — и тот не решался начинать что-либо без немного благословения Джокса.

Кухарка шептала себе под нос — жаловалась на злой лук, тупой нож и отвратительную погоду, от которой ноют её старые кости. Джокс слушал всё это молча. Мыслями он был где-то совсем в другом месте. Несколько

лет назад та же самая кухарка, имевшая на мажордома известные виды, пыталась его разговорить, но тщетно. Обозлившись, она какое-то время бранила его вполголоса совершенно непотребными словами, а он и на это не обратил внимания — стоял у двери, сложив руки на груди, и смотрел оловянными глазами.

— Высокомерный очень, — говорил про него конюх. — Важничает, что твой лорд, только потому, что каждый день ходит в нарядном камзоле, а мы — лишь по праздникам. Да и когда здесь были праздники? Я и не упомню. Вот при графе, хвала богам, мы веселились…

Шут, существо бесполезное, но не вредное, пользовался куда большей популярности. Женщину он умел ущипнуть особым образом, после чего она целый день ходила весёлая, да и с мужчинами не чинился, выпивал с ними очень охотно. В прошлом он был барабанщиком при своре каких-то наёмников. В пьяной драке ему обезобразили лицо, и оно стало похоже на дурно вылепленную маску — одно ухо выше другого, нос, переломанный в трёх местах/доставал до подбородка, а нижняя челюсть с левой стороны выпирала так, будто шут держал за щекой половину вареного цыплёнка.

Пока внизу, в посёлке у большака, кипела жизнь, шут частенько наведывался туда и числился хорошим клиентом Уитера.

Несколько пригожих девиц, бесчинно затяжелев, говорили на него, но добродушные арендаторы им не верили — кто же прельстится такой рожей? Вероятно, они всё-таки ошибались, хотя — какая разница?

В последние дни шут Баркатрас был несколько уныл — предчувствия тяготили его. Он сидел на сыром чердаке и возился там со всяким хламом, читая старым совам бесконечные монологи из классических трагедий. Оживился шут только когда узнал, что в замке остановились пятеро гостей. Потихоньку присматриваясь к ним, он решил: скоро будет случай позабавиться. Предчувствие беды не исчезло совсем — только при-, тупилось, но это только раззадорило его.

— В нашем замке все помешаны, даже те, кто здесь впервые, — рассуждал он.

К тому же Баркатрас был человеком не без расчёта. Очень может статься, среди гостей находится сейчас будущий граф Амрок. Нужно понравиться ему, удачно разыграв его конкурентов. Но как бедный шут определит наследника? Баркатрас слонялся по галерее и изобретал. Жаль, что никто не видел, какие уморительные гримасы он при этом выделывал!

До обеда оставалось совсем немного, когда Грателло с озабоченным лицом появился на кухне.

— Ещё двое прибыли, — сообщил он Джоксу. Мажордом неожиданно

отверз уста и проговорил:

— Несёт и несёт нелёгкая, словно замок превращён в постоялый двор!

От неожиданности кухарка подскочила, уронила шумовку и, не веря своим ушам, уставилась на мажордома с благоговейным ужасом.

— Кто они? — осведомился Джокс.

— Мужчина и женщина, — отвечал лакей. — Без посторонних ведут себя как любовники. Мужчина — варвар из Киммерии, силач и хвастун. Женщина походит на знатную горожанку.

— Значит, обед подавать на семерых, — распорядился Джокс.

Конан и Альвенель проделали остаток пути без приключений. Дорога увела их прямо в тучу, которая расползлась в воздухе, превратилась в свинцового цвета туман, сочащийся дождём.

К воротам замка вёл каменный мост через узкое, но глубокое ущелье. Опоры моста, замысловатой конструкции сооружения, словно врастали в скалы.

— Им сотни и сотни лет, — заметил варвар. — Так давно уже не строят. Секрет утерян.

— Это любопытно, — откликнулась его спутница. — Но, если ты не возражаешь, давай всё-таки войдём в замок. На мне нет сухой нитки.

Когда они проезжали по мосту, колокол на башне звякнул два раза, коротко и тускло, и звук его, тоскливо-пронзительный, отразился от скал.

— Прямо мороз по коже, — сказал Конан, прислушиваясь.

Альвенель молчаливо согласилась с ним.

Грателло встретил их за воротами. Варвару никогда не нравились люди такого типа — скользкие, бесцветные, обладающие умением косить глазами в любом направлении, лишь бы только не встречаться взглядами с собеседником. Лакей был худ, сутул и длиннорук, однако с полным лицом, двумя подбородками и мясистым, круглым носом, которым он беспрестанно шмыгал, будто вынюхивал что-то.

— Нам нужна одна комната на двоих, — распорядилась Альвенель. — Однако с просторной кроватью. Разожги камин, чтобы можно было обсохнуть и согреться. И принеси сухих полотенец.

— И кувшин красного вина, — добавил Конан, — с хорошим куском жареного мяса.

— Скоро обед, — растерянно произнёс Грателло. Он не ожидал такой прыти. Трое кузенов, явившихся вчерашней ночью, тоже распоряжались и требовали, но делали это бестолково. А эти точно знают, чего хотят, и держатся слишком уж уверенно.

Думая об этом, он пошёл предупредить мажордома. Конюх принял лошадей. Свою отсыревшую поклажу новоприбывшие бросили прямо в холле.

Явился мажордом — седой, как лунь, воплощение чопорности и скуки. Его кадык торчал, как зоб болотной цапли, а из носа росли пучки чёрных курчавых волос.

— Ты — Джокс? — спросил у него Конан. — Я наслышан о тебе. Не вздумай предложить мне прокатиться на кочерге!

Джокс сухо улыбнулся и поклонился.

— Следующий удар колокола предваряет начало обеда, — объявил он. — Стол накроют в save графской короны, там, где надпись. Это на третьем этаже. Ваша комната — на втором. Позвольте отнести ваши вещи.

— По крайней мере, здесь нет сквозняков, — сказала Альвенель, осмотрев комнату. Окно выводило на однообразный, в сером тумане, скальный пейзаж.

— У меня такое чувство, — произнесла она, глядя в окно и улыбаясь, — что это я уже видела. У тебя не бывает так?

— Бывает, — отвечал киммериец. — Как по-твоему, скоро зазвонит колокол?

Туман за окном медленно пришёл в движение, и сразу же завыло и забормотало в каминной трубе.

— Не хватало ещё и бури, — пробормотала Альвенель про себя.

Они едва успели высушить одежду, когда, на радость варвару, раздался призыв колоколу. На этот раз он звучал куда менее тоскливо.

* * *

За длинным обеденным столом все, кроме стряпчего, постарались усесться так, чтобы видеть надпись перед глазами. Бедовые кузены несколько пришли в себя и сидели, высоко вздёрнув подбородки. Их камзолы отличались друг от друга только расцветкой, волосы тоже были уложены одинаковым способом, очень модным в городах, — коротко остриженные спереди торчали ежовыми иглами и длинные на затылки — курчавились, завитые щипцами. Законодателем моды у них явно был Ченси. Фаэрти и Тью, незаметно подглядывая, копировали его жесты и развязно-взвинченные движения.

Учёные мужи сидели чинно. Впрочем, Тьянь-по всё время улыбался с лукавым видом. Гаспар созерцал надпись и бормотал себе под нос — это

была привычка, выработанная в университете. Когда он, бормоча таким образом, прохаживался по аллее никто не смел отвлекать его от «размышлений».

На почётное место уселся Баркатрас, разодетый в лучшее своё шутовское платье и рогатую шапочку, обшитую бубенчиками. Время от времени он встряхивал головой, и по зале разносился нежный, хрустальный перезвон.

Альвенель дважды улыбнулась ему на это, и шут преувеличенно заважничал. Сложив хитрым образом полотняную жёсткую салфетку, Баркатрас изготовил из неё подобие бумажной игрушки в виде куропатки, уложил её на пустое блюдо перед собой и принялся терзать салфетку ножом.

Конану очень хотелось есть. Выходку шута он принял на свой счёт и ухмыльнулся. Чинная обстановка угнетала его. Наконец подали первое блюдо. Это был бульон. От разочарования киммериец едва не замычал. К счастью, сразу за бульоном принесли сыр. Варвар отхватил себе почти половину сырной головы, распластал её неудобным серебряным ножом и поглотил в считанные мгновения. Ему совершенно было безразлично, как поглядят на это остальные. Впрочем, когда подали наконец жаркое, все вздохнули с облегчением. Волнения способствуют хорошему аппетиту, а им было из-за чего волноваться.

— Не просто будет нам разгадать ребус графа, — заметил Гаспар сытым голосом. — Как вы полагаете, Фаррел?

Стряпчий вежливо пожал плечами.

— Уважаемый судейский чиновник останется поверенным хозяина замка даже если им станет герцог? — спросил Тьянь-по.

Фаррел глубоким кивком подтвердил его слова.

— Мудрым человеком был граф, — сказал кхитаец. — И мудрость эта — государственного уровня. Четыреста лет назад великий Хон Пу Си сказал: «Хочешь, чтобы твой исполнитель был честен, — сделай так, чтобы он ничего не терял от своей честности».

— Разве так бывает? — усомнилась Альвенель.

— Как все мы видим — бывает, — улыбнулся Тьянь-по.

— Граф действительно был умён, — глубокомысленно заявил Гаспар. — Я вижу в этой надписи комбинации из письменных значков по меньшей мере восьми языковых групп… Древние, так называемые «ледяные» руны соседствуют с «коралловыми завитками» островитян и «кубическим» шрифтом северо-востока. Очень любопытно…

— Мы так и не поняли, как эта мазня попала на стену! — высказался

Конан. — Что за существо её оставило? Пьяный штукатур?

— Да! — рявкнул Фаэрти. — Пусть нам расскажут!

Тью хотел высказаться по этому поводу, махнул рукой, перевернул соусник и сконфузился.

— Мы можем позвать очевидца, слугу Грателло, — предложил стряпчий. — И расспросить его.

— Слушать за обедом слугу? — Ченси скривил рот. — Что ж, это в духе всего остального. Так позовите его!

— Ты даже не поинтересовался, хотят ли этого остальные, — брезгливо проговорил Гаспар.

— А что, разве не хотят? Вот, к примеру, единственная дама среди нас. Разве она будет возражать? — Ченси посмотрел на Альвенель и изысканно сложил губы, словно смаковал пирожное.

— Я бы охотно послушала. — Альвенель решила ему подыграть. Её происходящее сильно забавляло.

Гаспар надулся и сердито заглянул в свой кубок. Фаррел позвонил в колокольчик. Во время всей этой интерлюдии Конан не издал ни звука, только рассматривал всех её участников, бросая на них короткие взгляды.

Ему казалось, что он наблюдает за интересным поединком на длинных мечах, в которых несколько противников сражаются все против всех. Между людьми, вроде бы мирно соседствующими за столом, происходило напряжённое выяснение отношений, внешне не очевидное, но острое и жёсткое.

Грателло сделал вид, что не сразу понял, чего от него хотят, хотя с его стороны было глупо так старательно извиняться за свою несообразительность. Что-то фальшивое дребезжало в этом человеке, одетом в камзол слуги с гербом на груди. Мельком заметив усмешку Тьянь-по, варвар догадался, что кхитаец тоже так считает.

— Хватит ныть, Грателло! — прикрикнул шут. — Господам хочется послушать самого косноязычного рассказчика в Бритунии, а ты изображаешь вовсе немого. Валяй, начинай!

Слуга подождал, пока затихнут наконец колокольчики на шутовской шапочке, и произнёс:

— История эта поучительна и печальна…

— Скверное начало! — фыркнул Тью. — Мы не хотим, чтобы нас поучали и печалили.

Ченси толкнул его локтем в бок, а Баркатрас с видом глубокого почтения снял шапочку и поклонился Тью со словами:

— Нехорошо отбирать хлеб у дурака!

Грателло продолжил:

— Его милость, как вам известно, вёл жизнь уединённую, и соседи часто судачили о его воздержанности по части прекрасного пола. Он так никогда и не женился, ни за кем не ухаживал и не интересовался дамами. Одни объясняли это благочестивым образом жизни, в которой нет места слабостям. Другие приписывали его милости пороки гораздо более постыдные. И те, и другие ошибались. Им было неведомо, что наш господин хранил в своём сердце подлинное чувство к прекрасной особе.

— Кем же была эта особа? — поинтересовался Гаспар, неприятно выделив голосом слово «особа», и оно зазвучало почти как «шлюха». Альвенель при этом нахмурилась.

— Она была знатной женщиной, но её имени и титула не нашлось бы ни в одном гербовнике Бритунии, — проговорил Грателло. — Она жила в сопредельном мире.

В ту ночь, когда она впервые появилась в замке, гремела гроза. Я спал у себя в комнате, на людской половине, когда в главную башню ударила молния. Грохот был очень сильный, и я проснулся. Казалось, замок заходил ходуном и сейчас рассыплется на камни. Воздух гудел. Когда я прикоснулся к своему камзолу, чтобы надеть его, он вдруг затрещал, уколол мои пальцы и прилип к ним.

— Так бывает во время сильных гроз, — подтвердил кхитаец.

— В мои обязанности входит следить за механизмом, который отмеряет время в замке. Из-за гроз механизм этот иногда останавливается. Я засветил свечу и направился к винтовой лестнице, чтобы по ней взобраться на верхнюю галерею, а уже оттуда пройти в башню.

Когда я проходил мимо графских покоев, мне послышался голос его милости — он говорил с кем-то взволнованно, как мне показалось, и испуганно. Я подумал: а вдруг в замок проникли грабители и захватили его милость врасплох? Оказавшись у его дверей, я приложил ухо к замочной скважине и сразу понял, что ошибся. Граф Амрок разговаривал с женщиной. И не он был испуган, а она, причём его милость старался утешить её и произносил всякие ласковые слова, голос женщины был мне совершенно не знаком, Да и разобрать, что она отвечала графу, я тоже не смог.

В подобных делах господину не нужна помощь слуги, даже самого преданного, и я со спокойной душой проследовал дальше. Механизм, как я и предполагал, не работал. Мне пришлось провозиться с ним довольно долго. Когда же он наконец наладился и я брёл обратно, предвкушая сон в тёплой постели, навстречу мне появился его милость. Он был в

приподнятом настроении и говорил со мной приветливо. Я осмелился спросить, не нужно ли чего его гостье?

— Какой гостье, дурак? — рассердился он.

— Прошу прощения, господин. Верно, я задремал, и мне приснилось, — отвечал я.

— Смотри у меня, сновидец! — Он пригрозил мне кулаком, и я поскорее убрался восвояси, решив держать язык за зубами.

Спустя несколько недель как-то поутру кухарка обнаружила пропажу сладких булочек, приготовленных на завтрак. Все подумали на Баркатраса, дурака его милости, но он заявлял, что в краже невиновен.

— И сейчас заявляю! — кивнул шут с такой важностью, что Альвенель снова не удержалась от улыбки.

— Две булочки по особому рецепту, которые испекались только для его милости ежедневно, — продолжил слуга. — Украсть их — большая дерзость! Мы, слуги, пребывали в растерянности и страхе. Граф мог разгневаться! Из остатков теста, кое-как, кухарка состряпала что-то похожее на сдобу, а его милость всё не выходил к завтраку и не требовал воды для умывания. Я не выдержал и постучался к нему.

— Что тебе нужно, болван? — спросил он из-за двери. — Я тебя не звал. Оденусь сам и выйду позже.

В этот раз я опять расслышал женский голос.

Если бы его милость обнаружил, что я подслушиваю, не сносить мне головы! Однако риск вполне оправданный. Образцовый слуга должен знать о своём хозяине больше, чем тот знает сам.

Только после полудня граф вышел из опочивальни.

— Ваши булочки на этот раз не вполне удачны, — сказал ему я.

— При чём тут булочки! — весело и удивлённо воскликнул его милость. — Что ты понимаешь, тупица!

Было видно, что ему очень хорошо. Он даже подарил мне серебряную монету.

Пусть простит меня леди за такую подробность, но спальня, особенно — кровать его милости — хранила немало свидетельств тому, что граф проводил время не один. Во-первых, блюдо со злосчастными украденными булочками стояло на прикроватном столике, рядом с кувшином из-под вина. Одна булочка была недоедена и сохранила на себе следы маленьких, аккуратных зубов.

— Кром великий! — не выдержал Конан. — Хватит о булочках!

— Во-вторых, на подушке мною был найден женский волос — длинный, золотистого цвета. В-третьих…

— Достаточно! — перебил слугу Ченси. — Мы верим тебе. Была женщина. Не стоит перетряхивать при всех дядиной постели!

— Я никогда бы не решился рассказывать об этом, — дрогнувшим голосом сказал Грателло. — Если бы это не имело значения в настоящий момент! Замку нужен хозяин, а мой рассказ, возможно, поможет разгадать тайну надписи.

— А возможно, и нет, — спокойно произнесла Альвенель. — Говори дальше.

Выдержав приличную паузу, слуга возобновил рассказ. Конана не оставляла мысль о том, что Грателло только изображает обиду, так же, как недавно изображал непонятливость. Кроме того, было очевидно, что он получает большое удовольствие от рассказа.

— Прошёл ещё месяц. Настала пора снегов. Вершины гор занесло, и даже дорога, вырубленная в скале, была малопригодна для подъёма и спуска.

Живущих в замке это мало беспокоило — припасов в леднике было достаточно даже для самой долгой зимы, в дровах и угле мы тоже не испытывали нужды. К тому же, если бы его милости вздумалось развеяться, он воспользовался бы одним из своих изобретений, способных переносить его по воздуху.

Но граф не покидал замка. Вставать он начал поздно, вечера проводил в своей мастерской или в библиотеке. А по ночам довольно часто общался с таинственной незнакомкой, которая — я готов был поклясться, замка не покидала и обычным путём в него не проникала. Я сделал единственно возможный для меня вывод: она просто прячется в одной из потайных комнат. Их в замке множество.

За несколько дней до зимнего солнцеворота, ближе к полудню, ко мне явился по времени наш конюх.

— Хорошо бы тебе взглянуть на эти следы! — сказал он. — Я никогда такого не видел, чтоб мне лопнуть.

Со внешней стороны крепостной стены, у самого моста действительно были следы, оставленные на снегу… Я решил, что это проделки шута, который от безделья из дурака сделался недоумком. Видели ли вы, господа, когда-нибудь следы курицы?

— Чу то за чушь? — удивился Тью.

— Ты увидел на снегу следы курицы? — расхохотался Фаэрти.

— Да, господин. Следы курицы величиной с хороший сельский дом. Они были глубокими, что не удивительно при таких размерах.

— Гм… А откуда вели эти следы и где они заканчивались? — спросил

кхитаец, прищурившись.

— Начинались они сразу перед мостом со стороны ворот, но на самом мосту их не было и за мостом — тоже. Казалось, будто бы исполинская курица спорхнула с неба. Кто бы ни был это… оно обошло замок дважды и исчезло у края пропасти.

Я взял на себя смелость доложить об этом его милости.

— Это удивительно, — сказал он рассеянным голосом. — Удивительно.

— Ваша милость не желает взглянуть? — спросил я.

— Не теперь… после… — проговорил граф, и кое-что новое вдруг увидел я в лице своего господина. Не страх, не волнение перед неизвестным — то была тоска, глубокая внутренняя боль.

— Может, вашим слугам лучше устроить засаду на это чудище? — предложил я. — Тогда мы смогли бы понять хотя бы, с чем имеем дело.

— Не думаю, — отвечал он. — Понять это вам не удастся.

На свой страх и риск две ночи кряду я, конюх и мажордом Джокс дежурили на крепостных стенах в надежде подкараулить чудовище. Но оно не появлялось. Не было его и на третью ночь, когда мы бросили нашу вахту — уж больно холодно было на стене! А следующей ночью произошло нечто неслыханное.

Грохот и ужасный вой разбудили меня и прочих слуг в замке. Доносились эти звуки со стороны ворот. Мигом мы вооружились и, прихватив пылающие факелы, бросились на стену. То, что мы увидели оттуда, испугало даже безмозглого шута!

— Воистину так, — вставил Баркатрас.

— Чудовище, огромное, на птичьих лапах, с длинным хвостом, усеянным роговыми шипами, стояло у ворот. Зверь был покрыт крупной зеленоватой чешуёй, голова его напоминала голову жабы, если бы у жаб бывали клыки. Из ноздрей валил пар, глаза горели злобой. Конюх закричал, как ребёнок, и повалился без чувств.

Чудовище пыталось ударами своего хвоста высадить ворота, и они уже начали поддаваться. Хочу заметить, ворота эти не сломать самым крепким тараном!

Как ни велика была ярость этого зверя, не она им управляла, о, нет. На спине его, в особом седле сидел человек — очень большого роста, повыше господина из Киммерии. С головы до ног всадник был закован в молочно-белые доспехи. На плече его висел щит с изображением падающей звезды, а в руках он держал боевое рыцарское копьё.

Всадник, приподнимаясь на стременах, кричал злые слова, а наш

господин — он стоял прямо над воротами, на смотровой площадке, — отвечал ему.

— Ты не уйдёшь от моего гнева, вероломный похититель чужих невест! — раздавался громовой голос неизвестного рыцаря.

— Откуда ты знаешь язык этих мест? — насмехался его милость. — Выучил, пока шлялся по пустошам?

— Я научился твоему языку, чтобы ты понял смысл проклятий, которые я обрушу на твою голову! — отвечал пришелец. — Принимай мой вызов, иначе я похороню тебя под обломками твоих стен!

— Убирайся восвояси! — воскликнул граф Амрок. — Ты сам виноват в том, что случилось. Она больше не принадлежит тебе.

— Трус! Ночной вор!

— Глупец! Проваливай, пока цел!

Мы не стали мешкать и принялись обстреливать чудовище и всадника из луков и арбалетов.

Стрелы не причиняли вреда обоим, отскакивая, как от камня. Но зверь хотя бы перестал ломать ворота. Он рычал и выл, размахивая передними лапами, — несообразно маленькими для такой большой туши.

Его милость жестом подозвал меня к себе. От моего факела от поджёг фитиль, торчавший из небольшого туго набитого мешочка.

— Получай! — вскричал он и метнул мешочек под ноги чудовищу. Раздался взрыв, и зверь, испугавшись, метнулся прочь. Его вой, потрясающий стены, донёсся издали и вдруг стих.

— Может, он упал в пропасть? — предположил я.

Его милость с сожалением покачал головой. Он был бледен, и руки его тряслись, хоть он и держался с великим достоинством.

— Он ещё вернётся, — сказал граф. — Но, надеюсь, не сегодня. А сейчас отправимся в тепло и отпразднуем нашу победу.

Его светлость весь переполнялся лихорадочным возбуждением. В холле он приказал Джоксу, чтобы тот немедленно подал лучшего вина на всех.

— Граф не пьёт со слугами, но полководец может выпить со своими солдатами! — заявил он.

Мы были в смущении и растерянности. Ещё бы — пробуждение посреди ночи, встреча с чудовищем, а теперь ещё и пир! Кроме того, мы постепенно осознали, что оказались в осаждённом положении. Одно дело, когда стихия не пускает вас из дома, совсем другое — когда чья-то неведомая агрессивная мощь пытается ворваться извне. Должно быть, уныние при этих мыслях отразилось на моём лице.

— Не хмурься, старина! — воскликнул хозяин. — У меня ещё много чудесного порошка, произведённого по старому кхитайскому рецепту. Его действие ты только что видел. Он отпугнёт от замка любую нечисть!

— Да, это замечательный порошок, — молвил Тьян-по. — У меня на родине его используют для праздничных огней, фейерверков. Очень красиво!

— Интересно, — полюбопыствовал Ченси, — а в военных целях его можно применять? Должно быть, порошок обладает большой разрушительной силой.

— Весьма большой! — подтвердил кхитаец. — Однажды, во время праздника риса, целое селенье взлетело на воздух из-за неосторожного обращения с порошком. Хорошо, что его не используют в сражениях.

— Согласен, — буркнул варвар. — В битве главное — не победа любой ценой, а доблесть. Однако граф молодчина. Может, он и испугался чудища, но сообразил взорвать свою детскую хлопушку!

— Не думаю, господин, что граф боялся чудовища, — мягко возразил Грателло. — Скорее, его милость испытывал чувство неловкости перед его хозяином…

— Что ты болтаешь? — ухмыльнулся Ченси. Мы уже смекнули, что дядя увёл женщину из-под носа какого-то чудака, разъезжавшего на драконе или гиппопотаме. При чём тут неловкость? Обычное дело.

Фаэрти и Тью расхохотались, покачнувшись на стульях.

— Если господа всё время будут перебивать и без того медлительного рассказчика, — вставил шут, — то мы все, исключая даму, обзаведёмся седыми бородами до полу, пока он закончит.

Грателло стоял, подобный неудачно сработанной статуе. Годы, проведённые без хозяина, сказывались: былая выдержка начинала изменять ему. Он испугался, что случайно выдаст присутствующим то, что на самом деле о них думает. Чтобы этого не произошло, лакей торопливо подбежал к столу, распечатал два полных кувшина с вином и наполнил кубки гостей.

— Рассказывай дальше, — велел Тью, взмахнув полуобъеденной индюшачьей ногой, причём брызги жира пролетели в опасной близости от лица стряпчего.

Тот и бровью не повёл.

— Мы вошли в залу. Вот в эту самую залу, — продолжал Грателло, вернувшись на место. — И в объятия его милости кинулась прелестная молодая леди. Я видел её в неровном свете нескольких свечей — их было слишком мало, и тут дарил полумрак. Но и он не мог скрыть красоты незнакомки. Её полупрозрачные одежды переливались — они тоже

источали свет, призрачный и чарующий, похожий на мерцание светлячка. Она быстро говорила на неведомом мне языке и покрывала лицо его милости поцелуями.

— Можете идти, — сказал граф нам, — пейте за моё здоровье.

И лично затворил двери за нами. До утра никто из нас не сомкнул глаз. Все гадали — откуда взялась в замке эта женщина?

С того дня она перестала таиться. Её часто можно было видеть рядом с его милостью. Понемногу она освоила бритунское наречие и распоряжалась нами, как госпожа. Нам оставалось только принять все как есть.

Долго ревнивый рыцарь, хозяин чудовища, не беспокоил нас. Но мы помнили о его угрозах. Починили ворота, установили на стенах котлы со смолою и навалили туда тяжёлых камней. Каждую ночь один из нас дежурил, готовый поднять тревогу в случае нападения.

Но беда выбрала другой путь в замок Амрок. Я прислуживал хозяину и загадочной госпоже за ужином. Ничто не предвещало несчастья, напротив — его милость был доброжелателен, и дама его сердца весело переговаривалась с ним. Но внезапно все горевшие свечи погасли, и зала погрузилась в темноту. Женщина вскрикнула от неожиданности, граф привстал, и тут в стене осветился прямоугольник, словно распахнулась дверь, которой там на самом деле никогда не было. В светящемся проёме стоял уже виденный мною великан в латах, а за ним — десяток отвратительных человекоподобных существ, полуголых, поросших шерстью. Они сжимали в своих лапах кривые сабли и щерились в зверских гримасах, латник отдал им короткий приказ, и дикари окружили господина. Один из них приложил острую кромку сабли к его горлу, готовый отрезать голову его милости. Великан закричал на чужом языке — он обращался к женщине. Она поднялась, бессильно заломив руки и опустив голову, и направилась в эту, невесть откуда взявшуюся дверь.

— Не ожидал! — сказал латник хозяину. — Пусть это будет тебе уроком. Не буду убивать тебя в твоём же доме. Я не разбойник и не вор, вроде тебя.

— Почему ты называешь меня вором? — хладнокровно спросил его милость. — Я ничего не крал у тебя. Она сама пришла ко мне, потому что ты ей омерзителен.

Великан сжал кулаки, так что латные рукавицы заскрипели.

— Хочешь вывести меня из себя, чтобы я оборвал твою жалкую жизнь? — спросил он.

— Вовсе нет, — отвечал граф. — Я только говорю правду, ничего

кроме. Но не лги — ты оставляешь меня в живых только потому, что обещал ей. Если я умру, тебе нечем будет её запугивать, и она захочет отомстить. Знай, лорд Неизвестность, я найду её во что бы то ни стало, отыщу даже в сопредельном мире. Нигде не будет тебе покоя!

— Ты прав! — загрохотал пришелец. — Я поклялся не убивать тебя. Но не злоупотребляй этим, жалкий воришка. Следующая наша встреча закончится по-другому. Я приму меры, чтобы ты не попадался мне на глаза!

Отвратительные слуги великана один за другим вернулись обратно, в светящуюся пустоту. Латник взмахнул рукой, и его не стало. Провал исчез.

Когда свечи вновь зажгли, на том месте, откуда явился грозный великан, снова была стена — ровная, крепкая какой и была прежде. Но теперь на ней проступили письмена, те самые, которые вы видите.

— Он запечатал вход! — воскликнул его милость. — Глупец! Дешёвой магией он пытается встать на пути науки!

Граф рассмеялся, но нервное напряжение оказалось сильнее его на этот раз. Он слёг в горячке и два долгих дня не приходил в себя. Поправившись, его милость заказал через господина Фаррела много учёных книг, бумажных, пергаментных и даже папирусных из Стигии. Это стоило больших денег, но хозяин не поскупился. Больше года он корпел над ними, ставил опыты, один из которых, в конечном итоге, послужил причиной его безвременной гибели… На этом, с позволения господ, я умолкаю.

— Все это чистая правда, — подтвердил шут, и в его голосе не было насмешки. — По крайней мере, я знаю столько же.

— Лорд Неизвестность, — произнёс Тьянь-по после недолгой паузы. — Любопытное прозвище. Как жаль, что я не слышал его на языке сопредельного мира… В имени этом и поэзия, и неумолимость судьбы, и вызов.

— Все это демонщина какая-то, — сказал Ченси. — Не понимаю, как подобные истории вообще могут происходить здесь, в Бритунии, в стране здравого смысла и простого подхода к жизни!

— Не вполне согласен с этим, — молвил Гаспар. — Наши предки оказались подпорчены общением с пиктами, гаэлыдами и прочими тёмными народами, вся культура которых сводится к разнузданным пляскам и страшным сказкам, лишённым морали. Вот с нами теперь и происходит, как вы выразились, демонщина.

— Разве народные предания лишены морали? — удивился кхитаец. — Я знаю многие из них и уверяю, морали в них хоть отбавляй.

— О чём они говорят? — неожиданно разозлился Фаэрти. — При чём здесь мораль? Уж не собираются ли они читать нам нравоучения? Они мне надоели. Эй, Тью, Ченси, давайте перебьём их всех, красотку только оставим, и заживём здесь господами!

— Осел! — коротко отозвался Ченси.

— Крайне неразумно, — сказал стряпчий. — Моё исчезновение повлечёт за собой расследование. Герцог не поощряет убийств судейских чиновников.

— Ещё одно слово про леди Альвенель, и я выброшу тебя в окошко, — заявил варвар.

— А я не буду ему препятствовать, — добавил Ченси.

Фаэрти, заклёванный со всех сторон, злобно сверкнул глазами.

— Он пошутил! — сказал Тью. — Он всегда так шутит.

— Мы все так и подумали, — заверил его Фаррел. — Однако не угодно ли вам приступить к разгадке надписи? Время настало. Если у кого-нибудь есть соображения на этот счёт, пусть он произнесёт их вслух.

— У меня нет соображений, — с лёгким вздохом признался кхитаец. — Но сегодня, слава небесам, не последний вечер. Я подумаю ещё.

— А мне так и вовсе не по себе, — задумчиво произнёс Гаспар. — Возможно, я догадался. Но вот произнесу я это заклинание, дверь в сопредельный мир откроется, а оттуда на нас набросится какая-нибудь тварь… Мы ведь даже безоружны! Лучше завтрашним вечером, когда мы примем меры предосторожности.

— Вы напрасно опасаетесь, — голос Альвенель прозвучал с лёгкой насмешкой. — Никто не набросится, и дверь не откроется. Ни о чём вы не могли догадаться, и надписи этой не прочтёте никогда!

— Откуда такая уверенность? — оскорблённо надулся Гаспар. — Это возмутительно! Какая-то авантюристка осмеливается сомневаться в учёности магистра наук, преподавателя, автора трудов…

Тьянь-по при этом язвительно хихикнул и загородил лицо салфеткой.

— Учёные труды не помогут, — сказала Альвенель. — Эту надпись нельзя прочесть.

— Почему? — В глазах Ченси вспыхнули огоньки острого интереса.

— В самом деле, почему? — осведомился стряпчий и, обернувшись, взглянул на письмена, покрывавшие стену.

— Потому что это подделка. Ничего не значащая галиматья. Фальшивка. Надувательство.

Все вскочили и заговорили разом в сильнейшем возбуждении. Тью,

который ничего в надписях не понимал и совершенно ими не интересовался, был ужасно рад случаю погорланить. Он разразился потоком ругани и остановился только тогда, когда Ченси дал ему подзатыльник.

— Смелое заявление, — сказала Фаррел, перекрикивая общий шум. Странно, но в его голосе, спокойном и холодном, оказались вдруг такие железные нотки, от которых многим стало не по себе. Гул затих как по волшебству.

— Смелое заявление, — повторил стряпчий. — Не угодно ли госпоже подтвердить свою версию?

— Ещё как угодно, — Альвенель улыбнулась, и весьма уверенно. Ченси глядел на неё во все глаза. — В рассказе слуги я заметила одну неувязку. Судите сами. Граф Амрок, как подобает хозяину, наверняка сидел на почётном месте, там, где теперь восседает его шут. Оно удобно ещё и тем, что возле него находятся два настенных подсвечника, то есть там светлее. Теперь прикиньте, какое значительное расстояние отделяло графа от открывшейся двери в сопредельный мир. Пока страшные уроды с саблями добрались бы до хозяина замка, он успел бы вскочить, принять бой — кстати, на стене рядом висит меч, настоящее оружие хорошего качества. На худой конец граф убежал бы из залы, входная дверь буквально в двух шагах. «Нет, — сказала я себе, — это подозрительно». Но где же истинная надпись? Где появлялся светящийся портал? Там, за спиной графа. Вот почему он ничего не предпринял. Просто не успел. Пусть слуга снимет этот гобелен, который, кстати, совершенно здесь неуместен. Ну?!

Грателло, белый, как мрамор, стоял неподвижно. Одним ловким движением Ченси вскочил со своего места, подошёл к указанному гобелену на стене, схватился за его края и рванул. Пыльная ткань упала к его ногам.

— Поразительно! — воскликнул стряпчий. — Ещё одна надпись!

— На этот раз подлинная, — утвердительно произнесла Альвенель.

— Вынужден взять свои слова обратно, — процедил Гаспар. — Вы неглупы, это ясно.

— Любопытное письмо, — произнёс Тьян-по. — Больше похоже на орнамент из цветов и вьющихся побегов. В Хоарезме находили подобные. Интересна также и манера письма — сильная, твёрдая рука, штрихи устремлены вверх — так пишут на выдохе… Это целая наука.

Конан наблюдал за происходящим очень внимательно. Он не привык разгадывать загадки усилиями ума, но обожал всякие головоломки, требующие решений, действий и хитрости.

— Пусть слуга сознаётся, почему он скрыл настоящую надпись, —

предложил он.

Сидящие за столом посмотрели на Грателло, а тот уставился себе под ноги.

— Милейший, отвечай! — «железным» тоном велел стряпчий и нахмурился.

Слуга молчал.

Конан бегло оглядел присутствующих: Шут пропал, отметил он про себя.

— Ты вынуждаешь меня принять меры, — сказал Фаррел. — Последний раз советую тебе…

Тяжёлый, долгий грохот, донёсшийся снаружи, прервал его. Шум перекрыл голос бури.

— Что это? — испуганно спросил Гаспар.

— Похоже на обвал, — ответил Конан, прислушиваясь. — Большой обвал.

Ченси подошёл к окну, отодвинул гардину и выглянул.

— Ничего не разобрать, одна чернота, — молвил он.

— А вдруг это чудовище на куриных лапах штурмует замок? — Гаспар заметно побледнел. Он сильно жалел, что ввязался в это предприятие. Мысль о наследстве перестала возбуждать его.

— Чего гадать? Всего и делов — пойти да посмотреть, — заверещал Тью. — Если пришёл этот гад, мы его подвзорвем. Дядин порошок, небось, остался цел. Лежит где-нибудь в кладовой. А?

Очевидно было, что ему хотелось что-либо «подвзорвать».

На пороге залы появился Джокс. Он ступал торжественно, словно собираясь объявить о прибытии важной персоны, никак не ниже герцога по достоинству.

— Господа! — провозгласил он. — Спешу сообщить, что мост обрушился. Мы заперты в замке.

— Казался таким надёжным, крепким, простоял сотни лет — и бесславно развалился, чтобы упасть на дно ущелья, — сказал Тьянь-по. Ветер раздувал его одежды и уже унёс в неизвестность смешную коническую шапочку из рисовой соломки. — Как это верно и символично напоминает мне историю о вековом дубе, который…

— Вы бы подумали, как отсюда выбраться, — мрачно произнёс Гаспар.

— Тут и думать нечего, — кхитаец пожал плечами. — В замке оставались летающие механизмы, созданные покойным хозяином. Они и перенесут нас через пропасть.

— Вы готовы лететь верхом на табуретке? Вы, почтенный человек, учёный с мировым именем?

— Вряд ли полёт на табуретке причинит ущерб моему имени, — отвечал Тьянь-по. — Да и вы, когда вам надоест тут торчать, тоже полетите, как миленький.

Конан, цепляясь за страховочную верёвку, которую держали Ченси и Тью, выбрался из пропасти.

— Не похоже, чтобы мост упал сам, — произнёс он. — Ему помогли. Раствор, которым были скреплены камни, держит прочно.

— Очень возможно, — сказал Гаспар, ёжась на ветру. — Слуга скрыл подлинную надпись, другой — свалил мост, оставив нас в западне… Может, они людоеды? Может, они питаются теми, кого им удаётся заманить в этот проклятый замок?

— И каждый раз при этом они ломают мост, — улыбнулся кхитаец. — Думаю, мокнуть здесь дальше бессмысленно.

— Но в замке опасно находиться! — не унимался Гаспар. Похоже было, что у него сейчас начнётся истерика.

— Зато там сухо и много вина! — возразил Тью. — Лучше промочить горло, а не одежду!

— Образчик британского остроумия, — пробормотал варвар.

У самого входа они услышали звон колокола.

— Ночная стража! — объявил Тьянь-по. — Первый вечер прошёл.

— Нельзя сказать, чтобы впустую! — хмыкнул Ченси. — По сравнению с нашими предшественниками мы хотя бы не бьёмся над разгадкой полной чепухи!

Фаррел встретил их у порога.

— Негодный слуга исчез! — воскликнул он. — Воспользовался суматохой и скрылся.

— Думаете, он покинул замок по воздуху? — осведомился Тьянь-по.

— Джокс клянётся, что летательный механизм остался только один, и тот неисправен, — отвечал стряпчий. — Положение наше неутешительно.

— Прохвост прячется где-то здесь, — оскалился варвар. — Он сам говорил, что тут полно потайных комнат.

Тью поддержал его:

— Надо все обыскать, найти мерзавца и развязать ему язык!

— В самом деле, — сказал Гаспар. — Должен же кто-то объяснить нам, наконец, что всё это значит?

— Лично я никого искать не собираюсь, — произнёс Ченси и зевнул. — Ночь. Темно, как у черномазого за шиворотом. Надо дождаться

утра и заодно отдохнуть.

— Это разумно, — кивнул кхитаец. — Давайте разойдёмся по спальням. Пусть каждый из нас как следует присмотрит за собой.

— Но ведь мы так и не узнали толком, что случилось! — Гаспар снова заговорил истерическим голосом.

Тьянь-по, усмехнувшись тонкими губами, ответил:

— Дорогой мой! У нас будет ещё много времени, чтобы разобраться.

И кхитаец лёгкой походкой удалился по коридору. Гаспар, втянув голову в плечи, устремился следом за ним. Их комнаты располагались рядом.

— Ты идёшь? И где этот осел Фаэрти? — спросил Ченси у Тью.

Тот неожиданно взорвался:

— Я не знаю, где Фаэрти! Я не помню, чтобы меня нанимали в няньки человеку, который старше меня! Да, старше, и на целый год! Я спать не собираюсь. И пусть эта кхитайская гусеница мне не указывает!

— Нас с тобой, к несчастью, поселили в одной комнате, — напомнил Ченси. — И если ты среди ночи припрёшься и помешаешь мне спать, произойдёт нечто ужасное. Имей это в виду и делай, что хочешь. А вы, господин варвар, передайте вашей приятельнице пожелания доброй ночи. Я хотел бы поутру потолковать с ней по делу.

Ченси отобрал у Тью подсвечник и ушёл вверх по лестнице.

— Сильно волноваться не стоит, — мягко произнёс Фаррел. — Если через неделю я не объявлюсь при дворе у герцога, меня начнут искать и первым делом направятся сюда. Увидят, что стало с мостом, и приведут все в порядок. Спокойной ночи, господа.

— Ну так что? — Тью с надеждой посмотрел на киммерийца. — Начнём поиски?

— Пожалуй, только позже, — отозвался Конан. — Прежде я должен поговорить с женщиной. Дождись меня в зале, где мы обедали.

— Но ведь ты ненадолго?

— Если у тебя нет терпения, займись чем-нибудь, — отрезал варвар. Уходя, он совсем не подумал, в каком положении оставил своего добровольного помощника. Сам Конан прекрасно видел в темноте и хорошо запоминал расположение комнат и направления коридоров. А Тью остался один в холле без света.

— Где же демонская зала? — бормотал он, шаря в темноте, натыкаясь на стены и бранясь. Отыскав на ощупь перила лестницы, Тью стал подниматься наверх, оступился и расквасил себе нос. Его ругань долго разносилась эхом по пустым переходам. Поднявшись неизвестно на какой

этаж, Тью вышел в один из коридоров и побрёл наугад. Здесь было светлее, но ненамного.

Свернув наудачу три или четыре раза, Тью понял, что безнадёжно заблудился.

Альвенель, обнажённая, при свете двух свечей сидела перед большим зеркалом и расчёсывала свои густые волосы.

— Мог бы и постучаться, — сказала она. — Впрочем, я по звуку шагов догадалась, что это ты.

— Ты удивительно догадлива, — ответил варвар. — И красива. Редкое сочетание.

— Почему даже очень хорошие мужчины так глупо устроены и всегда говорят скучные, пошлые вещи? — искренне удивилась она.

Конан пожал плечами.

— Я и в самом деле признаю, что ты умна, — сказал он миролюбиво. — Сегодня ты произвела на всех впечатление. Только знаешь, мне показалось, что ты сразу отнеслась к рассказу слуги без особого доверия. Тебе известно что-то ещё…

— Если ты такой внимательный, признайся, что Грателло не похож на человека, которому можно доверять.

— Это верно. — Киммериец присел на край кровати и стянул с себя через голову тунику и рубаху из грубого полотна. Женщина с удовольствием рассматривала его тело, отражённое зеркалом.

— Я насторожился, — продолжал он, — когда слуга описывал происходящее в зале, после того, как погасли свечи. Может, он видит в темноте? Тогда у него опасное преимущество перед многими из нас.

— Меня больше занимает другое, — голос Альвенель прозвучал неожиданно зло, — что он делал, когда латник-великан и его слуги угрожали графу? Почему он ничего не предпринял? Из его повествования не следует, что к его горлу был приставлен меч. Ему ничто не угрожало.

— Он попросту трус, — с презрением сказал варвар.

— Если бы он был только трусом… — Женщина отвернулась, и Конан заметил слезы у неё на глазах.

— Брось, — проговорил киммериец. — Тебе ничего не угрожает, я же с тобой. Иди ко мне. Я знаю хороший способ отдохнуть.

Альвенель поднялась со стула, подошла к нему и положила руки на плечи варвара. От запаха её тела у Конана закружилась голова. Он крепко обнял Альвенель и уже собирался повалить её на кровать рядом с собой, как она вдруг напряглась, вскрикнула и попыталась вырваться.

— Да что с тобой? — воскликнул Конан, но осёкся.

Лицо женщины было искажено брезгливостью и страхом.

— Посмотри, что у тебя за спиной, — сказала она. — Только осторожно.

Оборачиваться варвар не стал — он бросил взгляд на зеркало, в котором отражалась вся кровать целиком.

— Лучше спать с равнодушной женщиной, чем с таким отродьем, — усмехнулся киммериец. Сзади и левее его, на подушке, покачиваясь на лапах, стоял огромный скорпион, ярко-красный, с чёрным хвостом.

— Знаешь, откуда эта тварь? — спросил Конан, не двигаясь с места.

Альвенель посмотрела на него расширенными глазами и отрицательно мотнула головой.

— Из Стигии, — сказал он. — Его яд убивает мгновенно. Скорость и быстрота реакции намного больше человеческой. Он опаснее самой опасной змеи. Осторожно вынь из ножен мой меч и протяни его мне рукояткой вперёд. Медленно…

Пока Альвенель выполняла приказ, Конан наблюдал за скорпионом в зеркало. Тот заподозрил угрозу, хвост его задрожал, а на загнутом, остром жале показалась капелька яда.

Не вытягивая руки, варвар раскрыл ладонь, и когда рукоять меча оказалась в ней, плавно сжал пальцы.

— У меня есть только жалкая доля мгновения, — сказал он. — До чего приятное ощущение. Только доля мгновения между жизнью и смертью…

Испугавшись ещё больше, Альвенель заглянула в его синие глаза — в них проснулось какое-то удивительное веселье, словно не было для этого человека ничего приятнее, чем находиться на краю гибели.

Потом ослепительной молнией сверкнул в воздухе клинок, и целое облако перьев взметнулось кверху.

Тьянь-по пожелал Гаспару хорошо выспаться и юрко шмыгнул в свою комнату. Гаспар представил с тоской, как будет сейчас ворочаться на холодной кровати и думать над своим печальным положением, и его передёрнуло. Проклятый кхитаец! У всех узкоглазых, вследствие вырождения их расы, нервы устроены таким образом, что узкоглазые не испытывают никаких волнений. Они слишком примитивны для этого.

Подозрительный и недоверчивый, учёный ещё вчера вытребовал у мажордома ключи от своей комнаты. Красть у него было решительно нечего, но осторожность никогда не помешает! К тому же, в дорожной

сумке лежит толстый свиток пергамента — черновик трактата о слабоумии среди зембабвийских негров. А в черновике много помарок и исправлений, а также ошибок, ещё не замеченных автором, и потому неисправленных. Если проклятый кхитаец засунет в рукопись свой нос, у него будет возможность посмеяться над Гаспаром, а этого представитель передовой расы никак не может допустить.

Ключ, как это свойственно всем ключам вообще, провалился на самое дно кармана, и учёный извлёк его не без труда. Потом выяснилось, что он забыл, как надлежит вставлять его в скважину. Бороздкой влево? Или вправо? Гаспар положился на удачу и прогадал — ключ застрял и теперь не желал вылезать обратно.

Пока учёный боролся с замком, на него накатил страх. С ним такое бывало в детстве в похожей ситуации. Ему казалось, что за ним гонится людоед, он приближается, он все ближе и ближе, а дверь все не открывается, и счёт уже ведётся даже не на мгновения, а ещё меньше… Гаспар застонал от ужаса и весь вспотел.

— Как глупо, — сказал он себе. — Надо взять себя в руки.

Он отпустил ключ, торчащий из скважины, прижался спиной к стене, глубоко вздохнул и сосчитал до двадцати пяти. Стало полегче. Тогда он снова повернулся и едва не потерял сознание, даже не успев испугаться. Его напряжённые нервы сократились сами по себе, и солидный учёный подпрыгнул от неожиданности, увидев перед собой бледное, перекошенное лицо.

— Господин учёный? — произнёс шут (а это был он). — Вам до сих пор не спится?

— Ты чуть не убил меня, — шёпотом сказала Гаспар. — Бродишь тут, точно привидение…

— Забавно, правда? — спросил Баркатрас. — Но ваша учёность так говорит, потому что никогда не видел настоящего привидения. Так вот, я на него совершенно не похож.

— А почему твои колокольчики не звенели?

— Потому что я не прокажённый и не обязан предупреждать о своём появлении, — парировал шут. — Я залепил их язычки воском. У меня дело лично к вам, и мне не хотелось, чтобы о нём знали посторонние.

— Какое ещё дело? — грубо осведомился успокоившийся Гаспар.

— Я подумал, что если мы с вами разыграем вашего учёного коллегу, вам будет приятно.

— Глупости! — Гаспар начинал закипать. — Что значит — разыграть?

— Выставить дураком.

— До того ли мне, шут! — в сердцах сказал учёный. — Оставь меня в покое. Тут и без тебя хватает чепухи!

— Как скажете. — Баркатрас поклонился и исчез в темноте.

— Это неслыханно! — пробормотал Гаспар и снова взялся за ключ. На сей раз он поддался. Учёный перевернул его и снова вложил в скважину. Замок со скрипом открылся. Гаспар толкнул дверь и вошёл.

В его руке горела всего одна свеча, но на прикроватном столике, в золочёном подсвечнике, их было целых три. Он торопливо зажёг их все, одну за другой, а ту, что принёс с собой, прилепил прямо к полированной столешнице. Бороться за наследство он не будет, значит, мебель перейдёт к другому, стало быть, нечего её жалеть.

Зола в камине еле теплилась, но учёный все равно развесил перед ним свой сырой плащ и стал снимать мантию. Он запутался головой в её широких складках, а когда наконец освободился, взгляд его упал на подоконник. И Гаспар закричал во всё горло.

На подоконнике лежала голова Тьянь-по, отделённая от тела, со всклокоченными волосами и вздыбленной бородок. Раскосые глаза блестели, как кусочки мозаичного стекла.

Не помня себя, Гаспар вылетел в коридор. Он продолжал кричать. Дверь за ним захлопнулась сама по себе, и учёный оказался в полной темноте. Послышался какой-то шум и, как показалось Гаспару, прямо из стены возник кхитаец со свечой в руке, живой и здоровый. Голова его была на месте!

— Это вы? — спросил он. — Что случилось, уважаемый?

— Там, там! — орал Гаспар. — У меня на окне… Ваша голова!

— Моя голова? — переспросил Тьянь-по спокойно. — Но это абсурд. Одно и то же тело или же часть его не может пребывать в двух местах одновременно. Если моя голова со мной, а я надеюсь, что это так…

— Пойдёмте, посмотрим, — перебил его Гаспар. — Вы как жрец науки должны будете поверить своим глазам! Она там, говорю я.

— Может быть, вы ошиблись?

— Совершенно исключено.

— Может, это чья-то другая голова? — настаивал Тьянь-по.

— Это голова ваша, уверяю вас! — восклицал Гаспар. — Те же надбровные дуги, тот же наклон лба… и борода!

Тьянь-по пощупал свою бороду, пожал плечами и сказал:

— Ну, хорошо. Давайте взглянем.

Гаспар открыл свою дверь и пропустил кхитайца вперёд. Сам он заходить не спешил.

— Ну как, убедились? — крикнул он.

— Друг мой, здесь нет никакой головы, — отвечал Тьянь-по. — Попросту вы переутомились и съели за обедом много тяжёлой пищи.

Гаспар робко вошёл в комнату.

Действительно, головы не было. На том месте, где она находилась, стоял кувшин для умывания, синий, с отбитой ручкой.

* * *

В полной тишине, при погашенных свечах, Ченси лежал на кровати и размышлял: сделаться ли ему негодяем, или продолжить игру честного человека. В создавшихся условиях можно было рискнуть — вернуться к предложению Фаэрти, а убийства свалить на Грателло, тем более, что последний оказался и в самом деле нечист на руку. Для человека, который с пятнадцати до двадцати пяти лет почти ежедневно слышал в свой адрес обвинения в беспутстве, никчёмности, для которого каждая подачка от богатых родственников сопровождалась унизительными сценами, это было соблазнительно. Но… Во-первых, для такого дела нужно найти хорошего союзника. Положиться на маменькиных сынков, Фаэрти и Тью, значит изгадить все дело. А где его найти, хорошего союзника? Альвенель умнее других, но уж очень бойка. Только на правах любовника с ней можно сосуществовать, а при сообразительной леди уже находится в этом качестве мрачный длинноволосый громила… Кхитаец не годится — его, похоже, не деньги интересуют, а сама загадка как таковая. Второй учёный — трус. Предаст при любой возможности.

А во-вторых — как-то это непривычно и… скверно. Одно дело — проломить кому-нибудь голову табуреткой в кабаке или проткнуть мечом на перекрёстке из-за глупой, вздорной куртизанки, а другое, совсем другое — вот так, расчётливо, одного за другим извести несколько человек из-за титула и замка, который все равно скоро будет проигран в кости.

— Проклятая слабость! — выругался Ченси.

Те, кто думают, что заниматься подобными размышлениями легче, чем действовать, — глупцы. Мысли, изнуряющие, будоражащие, выматывают не хуже каторжных работ.

Когда стена, обтянутая гобеленом, над самой кроватью Ченси внезапно вздулась пузырём и в темноте, к которой успели привыкнуть глаза, промелькнуло что-то живое, подвижное и бесшумное, молодой человек решил, что это его собственные чёрные мысли неожиданно

облеклись плотью. Через миг Ченси ощутил на себе посторонний взгляд. Два огромных круглых глаза, оранжевых, с чёрными вертикальными зрачками, следили за ним из темноты.

— Кто ты? — спросил Ченси. — Демон, пришедший за моей душой? Тварь из сопредельного мира? Впрочем, всё равно. Проваливай.

Ворчание, похожее на дробный рокот маленького барабана, послышалось в ответ. Глаза вдруг сделались больше. Они все росли и росли, пока Ченси не понял, что они приближаются. На самом деле всё произошло в одно мгновение, но для Ченси мгновение это растянулось почти до бесконечности.

Уже ощущая дыхание незваного гостя, пахнущее загустевшей кровью, Ченси перекатился к краю кровати и упал на пол. На кровать сразу опустилось что-то грузное и коротко взрыкнуло. Ченси не стал терять времени — вскочил, выхватил из ножен свой меч, лежавший на сундуке, и принял оборонительную позу. Он был в одной рубашке, трутница осталась в кармане куртки — зажечь свечу было нечем, да и вряд ли обладатель страшных глаз позволил бы ему возиться с огнём. Ченси видел его плавный силуэт, почти неотделимый от темноты.

— Откуда же ты взялся? — спросил Ченси. — Прятался в комнате? Сидел под кроватью?

Визитёр снова отреагировал на звук человеческого голоса — заворчал, как и в первый раз, очевидно, сгруппировался и опять прыгнул. Ченси рубанул его в воздухе и попал, но его самого хлестнуло чем-то горячим по плечу и щеке и толкнуло так сильно, что он потерял равновесие. Чёрное тело каталось, извивалось по полу. Ворчание сменилось рыком, в котором слышались ярость и боль.

Ченси вскочил, примерился и ударил, целясь между горящих глаз. Что-то опять толкнуло его, и горячее потекло по бедру. Но рык превратился в визг, и скоро всё стихло.

Ченси бросил меч, полез в карман за трутницей — руки у него тряслись, а правая к тому же сделалась тяжёлой и плохо слушалась. Но свечу ему удалось зажечь.

— О боги! — прошептал он, оглядев комнату. Всё, что возможно, было забрызгано кровью. Зверь, похожий на очень большую кошку, лежал на полу — его бока ещё поднимались и опадали, а передние лапы скребли половицы когтями. Он был густо-чёрного цвета, красивая шерсть его лоснилась и переливалась даже в скудном освещении.

Глянув на себя, Ченси сразу почувствовал слабость — он истекал кровью. Всхлипнув от накатившей дурноты, молодой человек отворил

дверь и, пошатываясь, вышел в коридор.

Прямо перед его дверью стоял шут Баркатрас.

— Меня нужно перевязать, иначе я сдохну, как поросёнок на бойне, — сказал Ченси и рухнул. Шут еле успел его подхватить.

* * *

Тью заметил свет, горевший где-то бесконечно далеко в тёмном коридоре.

— Уже кое-что, — сказал он себе и бросился туда. Темноты он не боялся, но ему непременно хотелось найти что-нибудь такое, что прояснило бы ситуацию. Или наткнуться на Грателло и схватить его. Тью хорошо понимал, что додуматься до разгадки ему не хватит мозгов, зато у него было много энергии и рвения. Эти ценные качества не раз выручали Тью в разных щекотливых ситуациях.

Источником света оказалась масляная лампа, висевшая на крюке, вбитом в стену. Не раздумывая, Тью снял её и зашипел: медная дужка, служившая ручкой, раскалилась, резервуар — тоже. Нести лампу в руках было немыслимо. Поставив её на пол, Тью поплевал на обожжённые пальцы, потом снял с пояса кинжал в ножнах, поддел дужку его перекрестьем и довольно засмеялся.

— Вот что значит очень захотеть! — сказал он. — Пора пролить свет на это тёмное дело!

И он пошёл дальше. Теперь выражение «куда глаза глядят» к нему подходило — глазам было куда глядеть. По левую руку в коридор выходило видимо-невидимо дверей, и каждая была заперта. Вероломный слуга мог хорониться за любой из них.

— Значит, будем ломать, — решил Тью и приступил к делу не откладывая. У первой двери замок оказался хлипким — он вылетел после первого же толчка. За дверью обнаружилась скучная комната без окон, в которой лежали горой поломанные стулья и старые, облезлые метлы. Со второй дверью пришлось повозиться дольше, но и она не выстояла. В этой комнате, на сей раз — большой и нарядно убранной, — стояли два окованных сундука, совершенно не нужные здесь. Они были не заперты. В каждом лежала гора истлевшего, заплесневелого тряпья. Следующие две двери были прочными, высадить их не удалось, хоть Тью и отбил себе плечо.

— Обидно, — проговорил он. — Но дверей ещё полно.

Потом нашёлся склад негодного оружия и заржавленных, худых кирас и шишаков. Поразмыслив, Тью перевесил лампу на острое навершие алебарды с щербатой рубящей плоскостью, а кинжал вернул на пояс. Так было удобнее идти, правда, лампа всё время раскачивалась. А алебарда пригодилась при взломе очередной комнаты — в ней было полно странной посуды из зеленоватого стекла, покрытой пылью и мышиным помётом.

Таким образом Тью прошёл почти весь коридор, пока сильнейший запах тления не остановил его перед последней дверью.

— Похоже, тут фамильный склеп, — предположил Тью. — Вряд ли это правильно — держать мертвецов под крышей. Отвратительный запах.

Проникать в эту комнату он не собирался и уже было двинулся дальше, как ему послышался внятный шорох, который донёсся из-за двери.

— Пожалуй, посмотреть всё-таки стоит, — решил Тью. — Возможно, этот проныра специально выбрал себе укрытие, куда ни один нормальный человек не сунется добровольно!

Зажав нос свободной рукой, Тью толкнул дверь плечом — она неожиданно легко распахнулась, ибо была не заперта.

— Разрази меня гром! — вскричал он, рассмотрев то, что эта дверь скрывала.

В комнате действительно было двое мертвецов. Один совсем свежий, с разодранным животом, лежал вытянувшись на столе. В его внутренностях копался другой мертвец, сгнивший почти до костей, однако не утративший способности двигаться. Жирные белые черви сыпались с него дождём.

Услышав восклицание Тью, он поднял безжизненное лицо, обезображенное разложением. Мертвец на столе был никто иной, как Фаэрти. Это открытие заставило Тью растеряться. Совсем ещё недавно молодой и сильный, кузен Фаэрти лежал, словно какой-нибудь неодушевлённый предмет. В представлении Тью смерть была уделом старых и слабых.

— Вот так штука! — только и смог сказать Тью.

Тем временем живой мертвец, все с тем же бессмысленным выражением *лица*, широко растопырив руки, обошёл стол и двинулся на Тью. Ноги у него не сгибались, и он переставлял их, словно циркуль землемера. Тью неожиданно ясно осознал, что сейчас его — тоже молодого и сильного — постигнет печальная участь кузена. Это показалось ему дикой нелепостью, жестокой и несправедливой. И Тью решил сражаться. С воинственным криком он взмахнул алебардой, которая погрузилась в череп мёртвого противника с чавканьем, будто в гнилую тыкву. При этом лампа перевернулась, её содержимое вылилось на упыря и

воспламенилось.

Выпустив алебарду, Тью побежал по коридору. Живой труп шёл за ним тяжёлыми, неловкими шагами и освещал коридор, подобно живому факелу. Вонь стояла чудовищная. Пройдя шагов двадцать, мертвец рухнул лицом вперёд и зачадил. Тью остановился. Его вывернуло.

— Кого это вы спалили? — раздался голос у него за спиной, и Тью, словно ужаленный, подскочил на месте.

— Это ты, дурак! — сказал он, успокоившись. Перед ним стоял шут и разглядывал его бесцеремонно и насмешливо.

— Странный способ развлекаться, — заметил Баркатрас. — Я бы не додумался.

— Там, в комнате, лежит мой кузен Фаэрти, — сообщил Тью. — Он умер. Его убили.

— Должен сказать, что с другим вашим родственником тоже случилась беда, — проговорил шут. — Его сильно ранила пума. К счастью, он остался жив.

— Откуда Ченси взял пуму? — удивился Тью, на что Баркатрас только развёл руками.

* * *

— Решительно отказываюсь спать на этой постели, — произнесла Альвенель. Перья все ещё плавали в воздухе. Разрубленный вместе с подушкой скорпион залил простыню и покрывало чёрной липкой кровью. Конан завернул убитую тварь в испачканное бельё и выбросил свёрток за дверь.

— Давай-ка обшарим всю комнату, — предложил он. — Вдруг здесь есть ещё что-нибудь в том же роде.

Однако тщательный и дотошный обыск ничего не дал.

— Любопытно, кто из моих конкурентов подбросил мне этот сюрприз? — гадала Альвенель вслух.

— Возможно, они тут и не при чём, — молвил киммериец.

Женщина, не скрывая удивления, посмотрела на него.

— Вспомни герпедонта в горах, — продолжал варвар. — Стигийский скорпион — тоже диковина в этих местах. Ему нужно жаркое солнце и растрескавшаяся, сухая земля. Тут, по-моему, не обошлось без колдовства!

— А если кто-нибудь из претендентов — тайный колдун? — предположила Альвенель, но Конан с сомнением покачал головой.

— Скрыть принадлежность к проклятому колдовскому племени очень трудно, — сказал он. — Колдун — это не только магия, это способ жить. Колдуны по-другому говорят, по-другому держат себя, смотрят на все с прищуром, везде ищут символы и кичатся своим знанием. Из-за этого они ещё более отвратны!

— Но ведь маг может притвориться обычным человеком, — настаивала Альвенель. — И втайне посмеиваться над окружающими.

— На кого ты думаешь?

— На кхитайца!

— Нет, — возразил варвар. — Кхитаец — по-настоящему мудрый человек. Такой не будет возиться с колдовством.

— А как ты отличаешь мудрого от не мудрого? — спросила женщина.

Киммериец нахмурился.

— Не знаю, — наконец признался он. — Отличаю и все.

— Хорошо, — сказала Альвенель. — А как по-твоему, я мудра или нет?

— Нет, — ответил Конан категорически. — Ты умна, но не мудра.

— Почему? Я ценю твою откровенность, но объясни, почему ты так думаешь?

Варвар увидел, что она задета..

— Если бы ты была мудра, — сказал он, как мог, мягко, — то давно вышла бы замуж и родила бы своему мужчине кучу красивых, здоровых детей. Не обижайся — я тоже не мудрец.

— Хватит об этом, — холодно произнесла Альвенель. — Я хочу спать.

Киммерицу вдруг показалось, что у этой красивой, обнажённой женщины, для которой нагота — самые крепкие латы — что-то сломано внутри. Киммериец слабо разбирался в душевных страданиях, но знал, что они бывают иногда сильнее телесных.

Женщина легла на голый тюфяк и закрыла своё лицо волосами. Варвар закутал её высохшим плащом, задул свечи и тихо вышел из комнаты.

В зале графской короны шут Баркатрас пил вино.

— Где крикливый молокосос? — осведомился у него Конан.

Шут покачнулся на стуле, вскинув ноги на стол, и заговорил:

— При покойном графе в замке выдавались весёлые ночки, но такой я не упомню!

После чего он рассказал про пуму, убитого Фаэрти и ожившего мертвеца, сожжённого в коридоре.

— А у нас в спальне был скорпион, — кивнул Конан. — И сбежавший

лакей до сих пор не объявился… Кстати, где ты сам был в тот момент, когда обрушился мост?

— Я? — переспросил Баркатрас. — Ах, да! Выходил за надобностью. Всё дело в белом вине. От него пучит живот. Тебе нужны доказательства?

* * *

— Что-то я не вижу в вас вчерашнего пыла! — проворчал стряпчий, усаживаясь за стол.

Завтрак и без этого замечания проходил в атмосфере невесёлой. Тью покосился на Фаррела сердито, но промолчал.

Ченси взял бокал левой рукой — правая находилась на перевязи — и произнёс:

— Давайте выпьем за то, чтобы не все погибли в этом распроклятом замке!

— Я бы воздержался на вашем месте от всяких тостов, — сухо хмыкнул судейский. — Наша общая задача состоит в том, чтобы выжить. Скорее всего, это будет непросто.

— Вы очень крепко держите себя в руках, — не выдержал Тью. — С чего бы это? Почему вы так спокойны? Вы — единственный, с кем ночью ничего не случилось! Это подозрительно.

— Не единственный, — молвил Тьянь-по, входя в залу и церемонно кланяясь. — С бедным кхитайским каллиграфом тоже ничего не случилось. Он спал, как младенец.

— Младенцы спят крайне беспокойно и всё время кричат, — язвительно заметил Фаррел. — Вы уж поверьте. У меня трое детей и восемь внуков. А ваш многоучёный сосед — с ним всё в порядке?

— Ночью ему привиделось, будто бы моя голова, отделённая от тела, находилась у него на окне, — поведал Тьянь-по, устраиваясь на стуле, — а потом он заснул. Во всяком случае, затих. Наверное, проваляется в постели до вечера. Он очень впечатлителен, в этом виновата его комплекция.

Варвар завтракал без аппетита, что бывало с ним нечасто. Он то и дело смотрел на надписи — на фальшивую, нанесённую поверх шлифованного камня кладки, и на подлинную, словно выжженную в толстой дубовой панели. Альвенель, в глубокой задумчивости, стояла у окна и высматривала в сером ненастном небе что-то, заметное ей одной.

— Джокс! — обратился стряпчий к мажордому, прислуживающему за столом. — Ты знал Грателли много лет. Объясни, как он мог выкинуть с

нами такую шутку?

— Не могу знать, — медленным, скрипучим голосом отвечал Джокс.

— В нём не было никаких странностей?

— Странностей? — Мажордом лишь взглянул с недоумением и оставил вопрос стряпчего без ответа.

— До сих пор непонятно, как он сломал мост, — заметил Ченси.

— Ну, это просто, — ответил ему кхитаец. — Он сам рассказал нам, что у графа хранились запасы порошка для праздничных огней. Достаточно было мешка весом в пять лян и длинного фитиля, который тлел бы долгое время. А потом — бум! И моста нет.

— Действительно, просто! — рассмеялся Ченси. — Неужели глупый лакей мог додуматься до такого? А вот вы, который много знает о свойствах этого порошка…

— Понимаю, куда вы клоните, — улыбнулся Тьянь-по. — Но я-то здесь, среди вас. А лакей исчез. Почему?

— Простите, госпожа, — Ченси повернулся к Альвенель. — Вы, бесспорно, самая светлая голова в этом замке. Что вы думаете по этому поводу?

— Ничего, — ответила она. — Я разгадала надпись и сегодня, в указанное время, оглашу результат.

— Много вам будет толку с этого! — фыркнул Тью. — Неужели вы не понимаете, что нас всех убьют, по одному. И вас тоже, если, конечно, не вы организовали все это.

— Мы занимаемся ерундой. — Кхитаец тактично сказал «мы» вместо «вы», и это все заметили. — Прошедшей ночью случились вещи, не объяснимые порядком вещей нашего мира. Значит, нужно понять логику мира сопредельного. Это гораздо интереснее, чем слоняться по замку в поисках коварного Грателло. Лично я устроюсь в графской библиотеке, потребую его личные записи и тщательно изучу.

— В одиночестве? — спросил стряпчий, устремив на Тьянь-по проницательный взгляд.

— Если многоучёный Гаспар не составит мне компании, то в одиночестве.

Сказав так, кхитаец доел тушёную морковь, выпил стакан воды и, торжественно поклонившись, вышел. Однако скоро он вернулся. Весёлая лёгкая улыбка исчезла с его лица, теперь оно выражало тревогу и озабоченность.

— Я никак не могу его разбудить, — сказал он. — Господин Гаспар не подаёт признаков жизни.

* * *

В постели, пропитавшейся кровью, лежало обезглавленное тело Гаспара. А голова вытаращенными глазами смотрела с подоконника, одним глазом на вошедших, другим — в стену.

— Получается, что вы последний, кто видел его живым, — сказал стряпчий, адресуясь к Тьянь-по.

— Последним его видел убийца, — бесстрастно ответил кхитаец.

Ченси расхохотался. Фаррел взглянул на него сурово.

— То есть, вы его не убивали?

— Дверь была заперта изнутри, — молвил Тьянь-по.

— Значит, убийца, кем бы он ни был, вылез через окно, — уверенно произнёс судейский.

Кхитаец покачал головой.

— Жизненно важная часть моего бедного друга стоит на подоконнике, — заметил он. — Если бы окно открывали, она бы упала на пол.

Ченси обошёл тесную комнату и оскалился.

— Значит, здесь есть потайная дверь! — сказал он и принялся стучать по стенам, сначала кулаком, а потом тяжёлым подсвечником, который оставлял в побелке глубокие вмятины.

Стряпчий внимательно осмотрел мёртвое тело. Правая рука покойного, сжатая в кулак, сильно заинтересовала его. С усилием судейский чиновник разогнул окоченевшие пальцы.

— Ого! — сказал он. — Кажется, несчастный помог нам изобличить убийцу.

Фаррел подошёл ближе к окну, чтобы получше разглядеть неожиданную находку. На его ладони блестела золотая брошь с небольшим красивым опалом.

— Я видел похожую на вашем вчерашнем камзоле, — произнёс он, глядя на Ченси.

— Да, — отвечал тот с вызовом. — А ещё такая же есть у Тью и у Фаэрти, убитого этой ночью. Если вы думаете, что это моя, то мне остаётся пойти в свою комнату и принести вам опровержение.

— Поспешите, — посоветовал Фаррел.

Скоро Ченси стоял на пороге и демонстрировал свою брошь, которая не покидала камзола. Так же поступил и взволнованный Тью.

— Странная получается картина, — проговорил кхитаец. — Ваш

родственник убил Гаспара, потеряв при этом украшение, после чего перенёсся неизвестным образом на четвёртый этаж, где был, в свою очередь, убит ожившим мертвецом двухмесячной свежести…

— Вы, кажется, хотели уединиться в библиотеке? — напомнил ему стряпчий. — Теперь вас никто не держит. Постарайтесь найти ответ в научных опытах графа. Но это не означает, что вы свободны от подозрений.

— Здесь никто не свободен от подозрений. — Тьянь-по поклонился и ушёл.

— Зачем ты объявила о том, что смогла прочесть надпись? — спросил варвар у Альвенель. — Теперь твоя жизнь в ещё большей опасности. Злоумышленник попытается добраться до тебя.

— На это я и рассчитываю, — улыбнулась женщина. — Мы будем начеку. Я знаю, что это непросто, но уж точно — не скучно.

Они стояли на галерее и смотрели вниз. Тучи застилали небо, тучи клубились у подножия замка и тяжёлыми, лохматыми тушами опускались в ущелье. Совершенно непонятно было, как солнечный свет проникает сюда сквозь эту пелену. Буря миновала, но шквальный ветер не утихал — он приносил откуда-то издалека маленькие ледяные крупинки.

— Должно быть, ты думаешь — зачем человек забирается в такое страшное место, строит в нём жильё, оседает на всю жизнь, когда есть зелёные равнины, леса, морские побережья? — поинтересовалась Альвенель.

— Вовсе нет, — возразил Конан. — Мне здесь нравится. Я тут как дома. Это настоящая красота, которая может существовать сама по себе. К тому же злой ветер не собьёт меня с ног, острые камни не отведают моей плоти — я сильнее. Чувствовать это очень приятно.

— Мне кажется, граф Амрок тоже так думал. Иначе он не поселился бы здесь, — произнесла она задумчиво.

— А как думаешь ты? Если у тебя получится задуманное, ты станешь хозяйкой всего этого. Тебе будет здесь хорошо? — спросил киммериец.

— Не уверена, — отвечала она. — Но замок Амрок для меня — очередная точка на линии пути. Я обязана её пройти. Чего здесь удивительного? Разве ты, варвар, живёшь иначе?

— Я просто живу, — был его ответ.

Последующее время до ужина он не отходил от неё ни на шаг. Каждый выступ скалы, каждый тёмный участок коридора мог таить опасность. Конан не очень-то верил в злой умысел какого-то конкретного человека. Он хорошо знал, что зло может существовать и само по себе. Часто оно селится в душе какого-нибудь слабого существа и управляет им, но бывает,

что и само, во плоти, появляется в свете, в облике демона, кровожадного чудовища или стихии.

Фаррел тем временем развёл кипучую деятельность. Перво-наперво он, при помощи Джокса и конюха, перенёс в холл убитую пуму, дохлого скорпиона и полуобугленный, чудовищно пахнущий труп неизвестного. Предосторожности ради труп разрубили на несколько частей, если однажды он ожил, чтобы совершить убийство, может, ожить и во второй раз. Каждый из уже неодушевлённых предметов стряпчий снабдил аккуратным ярлыком с пометкой.

— Это на случай, если нас всех поубивают, и следствию понадобятся улики, — объяснил он.

— Вы так спокойно говорите об этом! — скривил губы Ченси.

— Что делать, я занимаю должность уже много лет, — молвил Фаррел. — И кому, как не мне, знать, что жертвой убийцы может стать любой. Даже судейский чиновник.

Тьянь-по ненадолго появился из библиотеки.

— В этом трактате, — сообщил он, показывая внушительный свиток, — содержится описание научного способа оживления мертвецов. Большинство людей считают, что оживление достигается только при помощи некромантии. Но оказывается, существуют особые препараты, позволяющие проделать эту штуку. Двести лет назад были открыты мельчайшие живые организмы, незаметные глазу. Они живут колониями, захватывая мёртвое тело, и заставляют его передвигаться и совершать простые, действия. Разума в них нет, один только инстинкт. Встречая живое существо, они при помощи своего носителя убивают его и заселяют труп. Так сказать, высаживают десант.

— О боги! — воскликнул Тью. — Это значит, что бедняга Фаэрти скоро тоже начнёт двигаться и душить всех подряд!

— Придётся выкинуть его в ущелье или сжечь, — обронил Ченси.

— Как ты можешь так говорить! Он же был твоим другом, собутыльником, родственником, в конце концов! — изумился Тью, на что Ченси хмыкнул и ответил:

— Ты так переживаешь, словно бы я предложить бросить в пропасть живого Фаэрти. Но мёртвому Фаэрти это всё равно, как было бы все равно и мне.

— Есть какой-нибудь способ приостановить заражение? — спросил стряпчий.

— Для того чтобы мертвец сделался послушным орудием, маленьким существам нужно много времени. Их должно образоваться в достаточном

количестве, а размножаются они весьма забавным образом…

— Ну и что же?

— Холод заставляет их спать, — проговорил Тьянь-по, огорчённый тем, что его прервали.

— Господин Фаррел, — подал голос Джокс, — в подвале замка есть ледник, в котором хранятся припасы. Мы могли бы положить усопшего господина Фаррела в пустую бочку и оставить там. Он чудесно сохранится.

— Хорошая мысль, — одобрил стряпчий. — Туда же можно спрятать и тело Гаспара. Вы найдёте две пустые бочки, Джокс?

— О, у нас в хозяйстве много пустых бочек, — отвечал мажордом с достоинством.

Ченси рассмеялся так, что у него открылась рана, и ему стало дурно.

Тью вызвался проконтролировать перенос тел в подвал. Особой нужды в этом не было, но молодого человека глодала любознательность. К тому же он почему-то был уверен, что преступный лакей спрятался в подвале. Эта мысль крепко застряла у него в голове. Довольно часто убеждённость в чём-либо захватывала Тью, и спустя время он сам уже не мог понять, на чём эта убеждённость основывалась. Но привычки рассуждать у него не было. Вооружившись до зубов, он спустился в подвал следом за носилками, на которых покоилось тело его кузена.

Из ледника веяло стужей, дверь, обитая железными полосами, вся была покрыта инеем, мягким, как плесень. Ледник не запирался на замок — только на массивный засов. Тью отметил, что засов опущен. Потом он подумал, что вряд ли кто-либо смог долго прятаться в таком холодном помещении, и побрёл по подвалу, между штабелей пустых ящиков, поломанных бочек и всякого другого хлама.

Однажды Тью довелось прятаться на чердаке постоялого двора от докучных и агрессивных кредиторов. Ему удалось переправить на чердак два бурдюка с вином, четыре окорока, шесть колбас и два огромных каравая хлеба. Он забаррикадировался так, что рассерженный лавочник, которому Тью был должен шесть серебряных монет, изорвал на себе чулки, ободрал щеку о доску с гвоздём и вынужден был отступить. Три дня провёл Тью на чердаке. Большую часть этого времени он проспал, а всё остальное время пил, ел и создавал вокруг себя некоторое подобие уюта, необходимое всякому человеку.

Теперь он искал следы этого подобия здесь, в подвале, среди гниющей рухляди. Свеча в его руке чуть подрагивала, и горячий воск обжигал пальцы, капая из переполненной плошки подсвечника. Внезапно Тью вскрикнул от радости — он обнаружил огороженное ящиками

пространство, ни дать ни взять — маленькую комнатку. В центре её, накрытый старой салфеткой, бочонок играл роль круглого стола, на котором в гнутой медной миске лежало крупное яблоко, надкушенное с одного бока. Продолговатый ящик изображал скамью, а в углу лежал тяжёлый и сырой тюфяк.

Тью взял в руку яблоко, подбросил его на ладони и с неожиданной злостью швырнул в темноту. Яблоко лежало тут совсем недолго, в противном случае до него добрались бы крысы, которые во множестве шныряли по подвалу. Проклятье! Подлый убийца был настороже и успел скрыться, уйти прямо из-под носа! А может, его предупредили? Джокс не вызывает большого доверия. Слишком уж рьяно он корчит из себя образцового мажордома… Он в сговоре с Грателло!

— Молодой господин! Подойдите пожалуйста сюда! — послышался голос Джокса.

Тью, стараясь ничем не выдать охватившего его подозрения, напустил на себя безразличный вид и вышел из укромного убежища.

Бочка с кузеном Фаэрти, уже закрытая, стояла у входа в ледник. Рядом топтался конюх. Его туповатое, недоумевающее лицо в свете масляного фонаря выглядело зловеще. Джокс, с неподвижной, как у статуи, вежливой улыбкой стоял навытяжку.

— Не угодно ли молодому господину посмотреть на то, что мы нашли в кладовой? — спросил он и вытянул руку в приглашающем жесте.

«Ага! — подумал Тью. — Я зайду внутрь, и ты закроешь дверь, поймаешь меня, как в крысоловку. Ну уж дудки!»

Однако тут же ему сделалось стыдно при мысли, что мажордом поймёт его испуг. Нужно было выкручиваться.

— Мне надоело держать это! — с напускным раздражением он сунул свечу конюху. — А ты посвети мне. Что вы там откопали?

— Грателло, молодой господин, — отвечал Джокс и слегка наклонил голову.

— Что ты болтаешь? — изумился Тью. — А ну, вперёд!

Грателло точно был там. Он висел на железном крюке между говяжьими тушами, такой же холодный и твёрдый, как они. В голове его торчал мясницкий секач.

* * *

— Мы не продвинулись вперёд ни на пядь! — сказал Фаррел. —

Напротив, дело только запутывается.

— Он так злится, потому что кто-то покусился на его полномочия, — заметил Баркатрас. — Обычно запутыванием дел всегда занимаются судейские.

Они снова, как вчера, сидели за обеденным столом, правда, теперь в другом порядке. Почётное место занимал стряпчий, Тью демонстративно уселся спиной к фальшивой надписи, слева от Альвенель находился Конан, а справа — Ченси. Тьянь-по и шут расположились друг против друга. Кхитаец с улыбкой наблюдал, как Баркатрас вылепляет из хлебного мякиша разнообразных чудовищ, а потом сражается с ними При помощи вилки и ножа.

— Может, это и неважно, — произнёс Ченси, — но всё-таки любопытно: кем был оживший мертвец и как он оказался в замке?

Джокс, стоявший у двери, выразительно кашлянул.

— Пусть господа простят меня, но сдаётся мне, что это никто иной, как господин Шарлез, путешественник. Несколько месяцев назад он напросился в замок с целью, как он уверял, осмотреть его и зарисовать настенные барельефы в центральной башне. Я впустил его, и с тех пор от него не было никаких известий. Он исчез. Но мне показалось, что господин Шарлез просто покинул замок, никого не беспокоя. Теперь, кажется, его судьба прояснилась. Он из любопытства пробрался в лабораторию его милости и, должно быть, нечаянно заразился маленькими существами, о которых говорил господин Тьянь-по.

— Поучительно, — вставил шут. — Я бы посыпал этими тварями всех любителей шататься и глазеть на чужие замки!

— Удалось ли вам, господин учёный, постичь тайны сопредельного мира? — с некоторой насмешкой осведомился Фаррел у Тьянь-по.

Кхитаец прищурил свои и без того узкие глаза и произнёс:

— За такой короткий срок вряд ли можно что-нибудь постичь. Но кое-что я узнал.

— Что именно? — спросил стряпчий, впиваясь взором в лицо учёного.

— Например, вот такую вещь. Для человека, умеющего попадать в сопредельный мир, в нашем мире не существует замков, стен, крепостных рвов и оград. Перепрыгивая из одного пространства в другое, такой человек может обойти любое препятствие. В свете этого, заявление госпожи Альвенель о том, что она якобы разгадала тайну надписи, приобретает невыгодный для неё характер…

— Ах ты ведьма! — вскочил Тью. — Это ты убила Фаэрти и всех

остальных тоже! Хватайте её, пока она не просочилась сквозь стену!

Он замахал руками и подался через стол, чтобы схватить Альвенель за плечо. Конан перехватил его руку и слегка сдавил, отчего юноша вскрикнул и сразу обмяк.

— К порядку! — рявкнул стряпчий. — Почему в обществе благородных людей я должен напоминать о приличиях? Если женщина — подозреваемая, она не перестаёт быть женщиной!

— Благодарю вас, — спокойно улыбнулась Альвенель.

— Но она — убийца! — прошипел Тью, потирая кисть правой руки.

— И что с того? — Фаррел надулся и заговорил торжественно: — Даже если и так, что с того? Хвала богам, мы в Британии, в стране, где даже на мучительную казнь женщину ведут с уважением и вежливостью.

— Об этом говорить ещё рано, — напомнил Конан.

Ченси взял со стола бокал, пригубил вина, немного поморщился и произнёс:

— Кому-то выгодно сеять среди нас подозрительность и страх. Возможно даже, что сейчас он сидит за этим столом и насмехается над нами. Проклятье! Ему удалась его шутка. Он не дурак, и я первый признаю это. Но убийца совершил одну ошибку, и мне удалось разглядеть его промах. Дело в том, что… — Ченси внезапно закашлялся, расплескав вино на одежду. Он кашлял всё сильнее и сильнее, его глаза выкатились из орбит и остекленели. Приподнявшись, Ченси судорожно мотнул головой и вдруг упал. Мёртвый.

— Ничего нельзя сделать, — грустно произнёс кхитаец, попытавшись нащупать у него пульс. — Это яд. Очень сильный.

— Как ты это объяснишь, Джокс? — строго спросил Фаррел.

Мажордом посмотрел на него оторопело.

— Я здесь ни при чём, господин Фаррел, — сказал он. — Это вино я взял из погреба…

— Я ни слова не сказал о вине, Джокс! Ты сам выдал себя! Интересно, почему ты решил, что яд был в вине?

— Но это же очевидно! — Голос Джокса зазвучал уверенно и твёрдо. — Несчастный молодой господин выпил вино и умер. Я сам видел, как он его пил….

— Яда в вине нет, — изрёк варвар. — Иначе и мне бы не поздоровилось. Я пил из того же кувшина.

— Отравленным был сам бокал, — сказал Тьянь-по. — Посмотрите…

Он осторожно взял бокал и приблизил его к свету.

— У него острые, будто заточенные края. Ченси оцарапал губу, когда

пил, и яд попал в кровь.

— Но как убийца узнал, что Ченси хочет его разоблачить? — спросил стряпчий.

На этот вопрос ответила Альвенель.

— Убийца об этом даже не догадывался. Отрава предназначалась мне. Бедный Ченси схватил по ошибке мой бокал. По счастью, я из него не пила.

— Но почему? — вопросил Тью. Он был бледен и дрожал самым жалким образом. — Почему вас хотели отравить?

— Когда я объявила во всеуслышание, что могу прочитать надпись, то солгала. Намеренно, чтобы меня попытались убить. Я думала, это будет нападение, и мы с моим спутником были к этому готовы. Но убийца перехитрил меня. Знайте, господин Тью, я от всего сердца жалею, что послужила косвенной причиной смерти вашего кузена…

— Я попросил бы вас, сударыня, да и всех остальных — тоже, впредь воздерживаться от таких выходок, — сказал Фаррел. — Это безответственно, по меньшей мере.

Шут, стоя над трупом, печально звякнул колокольчиками.

— Испортить такой монолог… — пробормотал он с явным сожалением.

— Вы, госпожа, сильно меня разочаровали, — молвил кхитаец. — А я думал, что нынче вечером мы узнаем тайну замка Амрок!

Обойдя мёртвое тело, Конан выглянул в окно. Начинались вечерние сумерки.

Киммериец был в бешенстве. Ещё несколько лет назад он бы с огромным удовольствием сломал бы какую-нибудь мебель или же бил бы кулаками о стену. Но теперь Конан только ходил из угла в угол по спальне и время от времени взрыкивал. Альвенель, скинув одежду, сидела на кровати, поджав ноги и, прикусив губу, следила за ним.

— В конце концов, это невежливо, — произнесла она, потянувшись за покрывалом. — Я готова расплатиться с тобой, а ты даже не смотришь в мою сторону.

— Расплатиться? За что? — сердито сказал варвар. — Я ничего не могу сделать, и это выводит меня из себя. Я будто кролик, угодивший в силки, не понимаю, что происходит, и не ведаю, что будет дальше.

— Как любой в этом замке, — Женщина пожала плечами. — Что бы ни было, оно произойдёт. Тогда и посмотрим. А теперь — иди ко мне. Доверься женской мудрости и выброси из головы все неприятные мысли.

Конан послушался её, хоть избавиться от гнетущих раздумий так до

конца и не смог. К счастью, это никак не сказалось на его мужской силе. В его объятиях Альвенель трижды достигла самых высот наслаждения. Она принадлежала к тому типу женщин, что в момент экстаза затихают, будто прячутся от кого-то и утаивают свою радость, лишь изредка позволяя лёгкому стону вырваться из груди.

Когда киммериец сам уже был готов испытать блаженство, неожиданная яркая мысль пронзила его сознание. Все вдруг стало ясным для него, яснее белого дня. Варвар громко рассмеялся. Альвенель посмотрела на него с удивлением.

— Что-нибудь не так? — спросила она.

— Напротив, все прекрасно! — заявил Конан, улыбаясь. — Лучше не может быть…

Отдохнув, киммериец потянулся за одеждой.

— Оставляешь меня? — Женщина приоткрыла один глаз и сонно потянулась.

— Предосторожности ради, я запру тебя на ключ, — отвечал он. — Скорпионов в комнате нет. Если ты не будешь выходить, тебе ничто не угрожает.

— А если убийца свалится с потолка или выйдет из стены?

— Если ему действительно нужно убить тебя, он сделает это даже в моём присутствии, — произнёс Конан. — Я же не могу вечно обходиться без сна, например. Нет, мне кажется, нынче ночью у него другая цель, и я попробую нанести упреждающий удар. От этого выйдет больше толку, чем от пустого ожидания. Спи и ни о чём не беспокойся.

Одевшись, он вышел, затворил за собою дверь и пошёл по коридору. Теперь на всех обитаемых этажах в настенных подсвечниках горели свечи — так распорядился Фаррел.

Самую опасную тайну замка Амрок Конану удалось раскрыть. Но теперь он должен был придумать, как остановить зло.

Джокс чистил столовое серебро. Давным-давно, когда он только начинал службу в замке, процедура эта была священным ритуалом, осмысленным и точным. С годами осмысленность только усугубилась. А в настоящий момент мажордом подозревал, что сей сакральный обряд — единственное, что удерживает мир от полёта в тартарары.

Закончив с ножами, Джокс разложил перед собою двузубые вилки. Тут следовало выдержать паузу, а после неё внимательно пересчитать столовые приборы.

— Откуда за столом мог взяться отравленный бокал? — спросил Джокс сам у себя и замер, потрясённый звуками собственного голоса.

Никогда прежде ему не доводилось беседовать с самим собой. Он был смущён, словно его поймали на краже хозяйских чулок. Но способность рассуждать, годами дремавшая в его голове, вдруг пробудилась, и утихомирить её было непросто.

— Бокалы я подал при сервировке, — продолжал мажордом. — Их было шесть, по числу гостей. И это были те же бокалы, из которых они пили накануне. Следовательно, ни один из них не отравлен. А-га… Убийца приносит отравленный бокал с собой, ставит его на стол перед леди, а её бокал убирает. Куда он его денет? Выбросит в камин? Спрячет в своей одежде? Нет, в одежде неудобно. Камин вернее всего… но он был растоплен, и бокал лопнул бы от жара… — Тут Джокс прервал сам себя и заговорил горячо и торопливо: — Нет, Джокс, старина, все неверно. Господин Фаррел забрал отравленный бокал в качестве улики, а грязные бокалы — вот они, на столике. И их шесть…

Мажордом торопливо снял с себя фартук, набросил на плечи куртку и торопливо, бормоча под нос, зашагал в залу. Там он зажёг все свечи и встал у дверей. События последнего ужина вновь промелькнули у него перед глазами.

Слуга должен быть внимательным, очень внимательным… Кто-то из господ только подумал о вине, а слуга уже обязан знать, белое или красное нужно налить… По движению руки слуге приходится судить, хочет ли господин жаркого или подать ему сыр…

Джокс вспомнил, перед кем стояло два бокала. Этот человек пил из обоих, не делая слуге замечания, не выясняя, кому не досталось бокала. Он держал перед собою оба бокала, у всех на виду, так нахально, так дерзко, что никто не обратил на это внимания.

Никто, кроме слуги.

— Не может быть… — прошептал мажордом. — Не может быть! Но зачем? О боги, зачем?

— Это же очевидно, глупец! — раздался голос у него за спиной.

Джокс поднял голову и истошно закричал.

Того, кто стоял перед ним, нельзя было назвать человеком, о нет. Человеческой, хоть и уродливой, была фигура, но голова напоминала собачью. Чёрный, влажный нос со свистом втягивал воздух, желтоватые клыки врезались в верхнюю губу. На загривке торчком стояла жёсткая шерсть, похожая на пучки игл.

Коротким прыжком чудовище преодолело расстояние, разделяющее их. Густой звериный запах обдал мажордома, он снова закричал и кинулся прочь, налетев при этом на угол стола. Удар получился сильный, и Джокс

рухнул на пол, визжа от ужаса. Клыкастая пасть склонялась над ним. Джоксу показалось, что она ухмыляется.

Неожиданный громкий оклик, раздавшийся от входных дверей, заставил человекообразное существо подскочить на месте и клацнуть зубами. На пороге стоял Конан с мечом наизготовку.

— Теперь тебе не уйти, лорд Неизвестность, — произнёс он. — Ты был слишком самонадеян.

— Ты думаешь? — ухмыльнулся собакоголовый и облизал клыки. — Попробуй, возьми меня!

— Стой! — закричал киммериец и замахнулся мечом, но было поздно. Чудовище крутанулось на месте и… растаяло.

— В чём дело? Что случилось? — послышалось из дверей.

Тью и Тьянь-по, наспех одетые, стояли в коридоре. Тью был вооружён. Скоро появился и Фаррел с недовольным лицом. Джокс лежал в глубоком обмороке.

— Его надо перенести в людскую, — сказал стряпчий.

— Тогда утром мы найдём его мёртвым, — ухмыльнулся варвар. — Ну уж нет. Я посторожу его тут. Бедняга здорово напуган. Ещё бы! Его пытались сожрать. Только почему? Он не является претендентом на наследство. Он всего лишь мажордом.

— Должно быть, он увидел кого-то или что-то при любопытных обстоятельствах, — проговорил кхитаец. — И догадался, в чём дело.

— Я тоже, — произнёс Конан весело. — Присаживайтесь и слушайте, если вам интересно.

Последней в залу вошла Альвенель.

— Крики разбудили меня, — сказала она. — Вижу, что не меня одну.

Варвар нахмурился, вынул из поясного кармана ключ от спальни и подбросил его на ладони. Альвенель при этом слегка покраснела.

— Если вы хотите что-то объяснить нам, то теперь — самое время, — хмуро сказал судейский.

— Рассказчик из меня плохой, но лучше не расскажет никто, — ответил Конан. — Я начну. Когда мы вдвоём с госпожой поднимались в замок, она поведала мне о завещании и о надписи, начертанной на дубовой панели. А надпись, которую нам показали сначала, сделана по голому камню. Та, что под гобеленом, подлинная, — действительно на доске. Я удивился.

Фаррел бросил на Альвенель быстрый взгляд и многозначительно хмыкнул.

Конан продолжал. Действительно, говорить он был не великий

мастер, и некоторые фразы давались ему с трудом, от чего он, и так сердитый, злился ещё больше.

— Тьянь-по вычитал в манускрипте, что пришелец из сопредельного мира может перемещаться сквозь стены и тому подобное. Мы были свидетелями некоторых странных вещей, которые иначе не объяснишь. Но почему лорд Неизвестность штурмовал замок, о чём нам поведал убитый Грателло? Почему он просто не возник, всем на удивление, из стены, как во второй раз?

— Это в самом деле странно, — согласился стряпчий.

— Графа Амрок предали, — пояснил киммериец. — Надпись на стене вовсе не запечатывает вход в сопредельный мир. Напротив — она и есть этот вход. Грателло нанёс узор на стену и получил за предательство достойную плату, в конечном итоге — смерть.

— И кто же его убил? — глухо спросила Альвенель.

— Ты, — отвечал Конан. Воцарилось молчание. Потом Тью поднял голову.

— Значит, это всё-таки она извела Ченси и натравила на Фаэрти оживший труп?

— Нет, — покачал головой варвар. — Не она. Кое-кто другой.

— Как ты узнал? — Альвенель смотрела ему в глаза так, словно никого не было в зале, кроме них двоих. — Из-за того, что я оговорилась про дубовую панель?

— Просто я догадался, кто ты такая. Ты — возлюбленная графа, существо из сопредельного мира. В тот вечер лорд Неизвестность не захватил тебя, ты успела уйти. Граф, изучив рисунок на стене и догадавшись о его назначении, стал разыскивать свою возлюбленную. Эти поиски привели его к гибели.

— Ты совершенно прав. — Женщина улыбалась, но глаза её помертвели от тоски и давнего горя. — Я могу рассказать, как всё случилось, если вам интересно.

— Да уж сделайте милость, — кивнул стряпчий. — А я подумаю, предъявлять ли вам официальное обвинение.

— Чур без меня не начинать! — вскричал шут, появляясь в дверях. Он быстро уселся за стол, звякнул бубенцами и скривил лицо, изображая внимательное ожидание. Увидев, однако, что дурачества его никого не развеселили, он ухмыльнулся и откинулся на спинку стула, уподобясь при этом кукле-марионетке с порванными верёвочками.

— Раз я не на суде, вставать не буду, — произнесла Альвенель. — Но скажу сразу: я готова отвечать перед законом вашего мира. Своей цели я не

достигла и уже, наверное, не достигну. Подлого предателя мне удалось покарать, но убийца моего избранника по-прежнему недостижим. Если мне не случится уничтожить его, господин Фаррел обвинит в случившемся меня одну. Я могла бы улизнуть в любой момент, но не стану этого делать.

— По всей видимости, держать ответ придётся по всей строгости, — угрожающе промолвил стряпчий. — Вам угрожает колесование в лучшем случае.

Женщина нетерпеливо повела плечом.

— Не будем пока возвращаться к этому. Итак, Грателло предал своего господина. Тайно сговорившись с его врагом, он нанёс на стену письмена, открывающие коридор между мирами. Лорд Неизвестность — так его имя переводится на ваш язык — вероломно напал на графа, но я, из страха перед этим жестоким ревнивцем, сбежала. Много лет я проклинала себя за это! Лучше было бы погибнуть. Но в тот момент моё бегство спасло графу жизнь. Лорд Неизвестность кинулся за мной в погоню и оставил его в покое. Я тогда ещё не знала, кто был предателем. Это выяснилось здесь, третьего дня. Грателло переврал подлинные события и этим выдал себя.

— Как случилось, что он не узнал вас? — спросил Тьянь-по.

— В каждом мире есть свои обязательные условности, — ответила Альвенель. — В вашем такой условностью является внешность…

— То есть, вы не та, за кого себя выдаёте? — насторожился Фаррел.

— А вам бы хотелось увидеть меня такой, какая я есть от рождения? Подумайте, может быть, не стоит?

Стряпчий задумался и кивнул.

— Возможно, вы правы, — сказал он. — Ладно, оставим это. Скажите лучше, при каких обстоятельствах вы познакомились с покойным графом Амрок?

— Согласно закону своего народа, я была сосватана ещё до рождения, — поведала Альвенель. — Согласно другому закону, мой супруг имел право убить меня после первой брачной ночи, если его не удовлетворит состояние моей целомудренности. Так вышло, что до свадьбы я увлеклась другим. Лорд Неизвестность узнал об этом и угрожал мне. «Брачное ложе станет ложем твоей смерти», — заявил он. Отказаться от брака со мною он, однако, не желал. Ему нравится убивать. Он пьянеет от безнаказанности. В нашем мире за ним известны такие преступления, рядом с которыми убийство — детская шалость.

Я решила убежать от него. Мне посчастливилось обнаружить один из коридоров — он ведёт в укромную пещеру недалеко отсюда. Там граф и нашёл меня, после чего тайно привёл в замок.

Этим же коридором воспользовался лорд Неизвестность, когда пытался взять замок штурмом. По счастью, он находится слишком далеко от замка и не имеет над ним силы. Поэтому ревнивому убийце и понадобилась помощь Грателло. Итак, я скрылась, уводя за собой погоню.

Граф пытался разыскать меня. Он решил, что я вернулась в сопредельный мир, и однажды отправился туда. Но вероломный слуга предупредил жестокого лорда, и произошла катастрофа. Человек, которого я любила, попался в ловушку и был хладнокровно убит. Я же в это время находилась далеко от него… Спасаясь, я попала в большую переделку и чуть не погибла, но судьба помогла мне выжить. Скажу только, что перенесённая мною болезнь и душевное расстройство отняли у меня память.

Один добрый человек вывез меня из зачумлённого города и взял под свою опеку. Несколько лет кряду я всерьёз считала себя его дочерью. Однако воспоминания постепенно вернулись ко мне. Я решила отомстить и воспользовалась завещанием графа как предлогом. На самом деле оно меня не интересует.

Мой враг оказался хитрее. Он освоился в вашем мире и считал замок своим пограничным поместьем. Его устраивало отсутствие законного хозяина. Я уверена, что придумывая жестокости, которые он обрушил на вас, лорд Неизвестность получал удовольствие.

— Получается, что любой из нас на самом деле может оказаться им? — кхитаец поморщился. — Ведь он не может оставаться невидимым, не так ли? Для того, чтобы действовать среди нас, ему нужно принять чей-то облик.

— Совершенно верно, — подтвердила Альвенель. — Теперь он точно знает, что я — это я. А мне до сих пор неизвестно, под чьей личиной он скрывается.

— Зато мне известно, — сказал Конан. — То есть, разгуливая по замку, он представлялся каждым из нас, по очереди. Уличить его было невозможно. Но я знаю, под чьим обличьем он прячется сейчас. Пора и вам узнать.

С этими словами киммериец трижды хлопнул в ладоши, и по этому сигналу из-за занавеса выпрыгнул… шут Баркатрас.

— Гоп-ля! — вскричал он. — Два дурака в одной комнате — это слишком!

— Полегче, куманёк! — воскликнул его двойник, сидевший за столом. — Количество дураков можно сократить, никто и не заметит!

— Хватит! — рявкнул Конан, поднимаясь. — Ты попался в мою

западню. Я подговорил настоящего Баркатраса затаиться, предположив, что ты заметишь его отсутствие и выберешь именно его обличье.

— Тебе — конец! — закричал Тью, обращаясь к мнимому шуту. Он вскочил, схватил свой стул и, замахнувшись, обрушил страшный удар на шутовского двойника, который ломался и приплясывал в жуткой пантомиме.

Однако в самый последний момент лже-шут увернулся. Ловкость и быстрота его движений превосходили возможное. В следующий миг двойник стал выше ростом, а уродливая его голова у всех на глазах стала вытягиваться, преображаться. Загривок взъерошился колючей шерстью, жёлтый огонёк заплясал в глазах. Собакоголовый ощерился и одним ударом когтистой лапы повалил Тью навзничь.

— Вам всё равно не поймать меня, — прорычал он. — А я по очереди убью вас всех, и это меня позабавит. А тебя, распутная дрянь, я убью с особым удовольствием.

— Нет-нет-нет, — проговорил кхитаец, качая головой, словно фарфоровая игрушка. — Удрать у вас не получится. Попробуйте, если хотите.

Собакоголовый клацнул зубами, развернулся, заворчал и на короткую долю мгновения сделался прозрачным, но неожиданно, с сильным хлопком, отлетел к противоположной стене.

— Понимаете, — пояснил. Тьянь-по, — мне удалось прочитать эти письмена.

— Почему же вы раньше не сказали? — поразился стряпчий.

— Мне не улыбалось владеть таким наследством, — вздохнул кхитаец. — Бедному каллиграфу ни к чему соседство с сопредельным миром. Слишком много суеты. Ну так вот — если прочитать значки в обратном порядке, что я только что и сделал про себя, коридор между мирами закроется. Чтобы открыть его, вам придётся разгадать шифр. Это несложно, однако потребует времени…

— А его у тебя нет! — с этими словами варвар выхватил свой меч. — Поднимайся и дерись, гадина.

Собакоголовый не заставил повторять вызов дважды. Он встал на ноги, встряхнулся, сделался ещё больше ростом, причём обрывки шутовской одежды на нём пропали, словно втянулись в плоть, а вместо них заблестели белые латы с шипами на наручах и поножах.

— Мелкие гнусные твари! — изрыгнул он. — Сначала я уничтожу вас, а потом пойду войной на ваш гнусный мирок!

И белый латник бросился на Конана, с убийственной силой молотя

закованными в броню руками. От соприкосновения доспехов с клинком Конана посыпались в стороны яркие искры. Меч не мог причинить собакоголовому никакого вреда — на латах не оставалось даже царапины.

Альвенель закричала, когда лорд Неизвестность нанёс киммерийцу удар по голове. Конан пошатнулся, но устоял на ногах. Кровь из рассечённого лба заливала ему глаза.

— Крепкая голова, — оскалился белый латник. — Интересно, с какого по счёту удара она лопнет?

Варвар сделал вид, будто с трудом переводит дыхание. На самом деле он в уме рассчитывал свои дальнейшие действия. Когда Собакоголовый кинулся на него, киммериец чуть подался в сторону, одним прыжком вскочил на пиршественный стол и оттуда рубящим ударом дотянулся до незащищённой головы противника.

Лорд Неизвестность яростно зарычал, но рык его перешёл в визг и поскуливание. Он зашатался и рухнул в агонии.

К завтраку Джокс настолько пришёл в себя, что мог прислуживать за столом. Тью тоже чувствовал себя недурно, но, глядя на него, Конан подумал: «Нескоро этот юнец вернётся к своей беззаботности».

— Нет, ну подумать только, — разглагольствовал Фаррел, — этот мерзавец вчера так хорошо исполнял свою роль, что никто из вас не догадался, в чём дело. Я мирно спал в своей комнате, а он сидел за столом и вещал о законе от моего имени!

— И даже вёл следствие, — хмуро подтвердил Тью.

— Как же ему это удалось? Должно быть, вместе с моей внешностью он позаимствовал и мой здравый смысл.

— Очень возможно. — Тьянь-по улыбнулся. — Есть такая притча. На старости лет достопочтенный Ю повредился в уме. Ему казалось, что он — журавль. Старика поместили в дом призрения, но однажды его увидели гуляющим по улице. Тогда у него спросили: «Почтенный Ю, как вы выбрались оттуда? Там ведь стража у ворот и очень высокий забор. Неужели вы перелезли через него?» Ю отвечал: «Я перелетел. Для журавля это совсем не сложно».

— Хорошо бы и нам так повредиться в уме, — хмыкнул стряпчий. — Впереди — несколько недель плена. Помощь раньше не подоспеет.

— Может быть, я смогу починить один из летающих механизмов, — молвил кхитаец. — Но мне бы не хотелось, честно говоря. Изобретения графа, возможно., и хороши, но человечество до них ещё не доросло. Если всякий начнёт летать по воздуху, нарушая законы природы, такая

поднимется суета, что страшно и подумать.

— А зачем Грателло взорвал мост? — вдруг спросил Тью.

— По приказу белого латника, я полагаю. Тому хотелось вдоволь поиграть с нами, прежде чем убить. Для этого нужно было отрезать нас от мира. Следующему владельцу придётся вводить голубиную почту, — сказал Фаррел.

— А почему граф так чётко указал время, в которое можно расшифровывать надпись? — Тью мрачно оживился, в нём неожиданно проснулось любопытство.

На этот вопрос ответила Альвенель.

— В указанное время коридор между мирами размывается, — сказала она. — Графу не хотелось, чтобы кто-нибудь случайно пострадал. Вот и все. Если бы он знал…

— Я потороплю помощь, — неожиданно произнёс киммериец. — Мне надоел этот замок и его тайны. Жаль, что науку и магию нельзя запретить. Все эти летающие скамейки и прочее не сделают жизнь лучше. Я ухожу.

— Как вы преодолеете пропасть? — удивился Фаррел.

— Спущусь на дно, а потом поднимусь на другую сторону. Это займёт пару дней. Жаль только, коня придётся оставить. Ничего, добуду нового.

— Ты ведь мог уйти раньше, — молвила Альвенель, заглядывая в его глаза.

— Не мог. Я иногда нарушаю обещания, но это был не тот случай.

— Я с тобой. — Альвенель решительно поднялась из-за стола. — Мне тоже нечего здесь делать. Месть свершилась. Законный наследник — Чан Тьянь-по. А господин Фаррел не предъявил мне обвинения. Значит, ничто меня тут не держит.

Их действительно никто не удерживал. Собрав в дорогу свои нехитрые пожитки, оба без сожаления покинули замок Амрок. Пройдя в пути через множество опасных приключений, они расстались у границ Бритунии. Никто из них не знал, доведёт ли судьба свидеться ещё раз, и они попрощались навсегда.

* * *

Замок Амрок стоит и поныне. В найденных документах значится, что Тьянь-по уступил его Тью, а тот, в свою очередь, продал замок герцогу. Слуги дожили свой век, и теперь в голых мрачных стенах обитают только сумерки, дождевая сырость и воспоминания.